

**АНДРЕЙ
КОНСТАНТИНОВ**

СОЧИНТЕЛЬ

**ПРОВЕРЕНО
ЧТЕНИЕМ!**

Андрей Дмитриевич Константинов
Сочинитель
Серия «Бандитский Петербург», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=132870
Сочинитель / Андрей Константинов: АСТ, Астрель-СПб; Москва, Санкт-Петербург; 2008
ISBN 978-5-17-048804-5, 978-5-9725-0978-2

Аннотация

Подпольный король Петербурга, вор в законе Антибиотик, и сотрудники спецслужб столкнулись в кровавой схватке. На кону – миллионы долларов. А за кулисами этой войны – журналист Обнорский, разрабатывающий хитроумный план. Его цель – посадить Антибиотика за решетку. За спиной журналиста – женщина, жаждущая мести...

Содержание

Пролог	5
Часть I	19
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Андрей Константинов

Сочинитель

© А. Константинов, 2007

© ООО «Астрель-СПб», 2007

* * *

Пролог

Ленинград, март – апрель 1983 года

Капитан милиции Алексей Кольцов бодро шагал по Невскому проспекту, мурлыча себе под нос «Арлекино» и улыбаясь встречным симпатичным женщинам. Весь его вид категорически опровергал известную каждому питерскому менту присказку: «Вот идет сотрудник УР¹, вечно пьян и вечно хмур». Настроение у Кольцова и впрямь было просто замечательным, и вовсе не благодаря горячительным напиткам, – если и бродил в его крови легкий хмель, так только от весеннего воздуха, от яркого утреннего солнца, которое обещало много тепла и света. Для русского человека (а особенно живущего в северном городе) наступление весны – это даже не праздник, это всегда начало нового этапа в жизни, это какая-то детская подсознательная убежденность в том, что все пакости и проблемы остались позади, в пережитой холодной и темной зиме с ее неприменной эпидемией гриппа и утомительным чередованием морозов и слякотных оттепелей...

Вот и эта весна принесла Алексею Валентиновичу в подарок надежду на скорые перемены в его жизни к лучшему – в кармане капитана лежало новенькое удостоверение инспектора уголовного розыска. Новичком в сыском деле седеющий капитан, конечно, не был – как-никак двадцать третий год уже лямку в ментовке тянул, – просто два дня назад состоялся наконец-то приказ по РУВД о переводе Кольцова с должности участкового инспектора на должность инспектора уголовного розыска, в том же самом отделении, кстати... И не то чтобы капитан не уважал работу участковых, нет, просто Алексей Валентинович был сыскарем, розыскником от Бога, как говорится... Ну а то, что он к сорока трем годам выше капитана не поднялся – так этим раскладом никого в милиции не удивишь. Только работники кадровых аппаратов и политотделов (те, которые по самые яйца разными значками да медальками увешаны) идут от звания к званию ровно и уверенно, да еще те «отсосы», которые подле генералов трутся. А для нормального опера самое верное звание – капитанское. На капитанах вообще вся ментура держится, в угрозыске это хорошо знают.

Кольцов попал в Систему давно, работу свою любил (как впоследствии выяснилось – даже больше, чем жену, по крайней мере, именно об этом свидетельствовал результат однажды выдвинутого ею ультиматума: «Или я – или твоя проклятая работа!») и никогда особо не стремился занять командные должности. И не сказать, что у Алексея Валентиновича честолубия напрочь не было, нет, просто он реализовывал это чувство по-другому – не внешней карьерой, а красивыми раскрытиями и профессиональными задержаниями. Наивысший кайф Кольцов испытывал, когда удавалось ему поднять те дела, которые коллеги считали безнадежными глухарями². При этом Алексей Валентинович старался всегда работать так, чтобы всем казалось, будто получается у него все легко и словно само по себе. В этой манере и проявлялось своеобразное пижонство его натуры: тяжелый, кропотливый, зачастую неблагодарный труд оставался подчас невидимым даже для братьев-оперов, многие из которых считали, что Кольцову просто «фарт прет». Да Кольцов и сам считал, что на удачу ему грех жаловаться; был бы менее везучим, так уже на том свете бы кувыркался, а так только две отметки на шкуре остались – одна от пули из нагана, а вторая от финки. А карьера...

Карьера, кстати, поначалу тоже не так плохо складывалась, в семьдесят четвертом Алексея Валентиновича в главк перевели, в УУР³, и все бы хорошо было, но... Этим самым

¹ УР – уголовный розыск.

² Глухарь – нераскрытое уголовное дело (жарг.).

³ УУР – Управление уголовного розыска.

маленьким «но», в которое все уперлось, был строптивый характер Кольцова. Не умел он начальникам угождать – все умел, а вот задницы вылизывать так и не научился... За гордыню свою непомерную капитан и поплатился в семьдесят девятом – слили его из элитного главка на землю⁴ простым участковым. Кольцов оказался непонятливым (и даже туповатым, как считали некоторые коллеги), потому что за долгую свою службу в милиции не хотел осознать простую истину: в родной советской державе мирно сосуществуют два Закона – один для сильных мира сего, а второй для прочих разных людишек.

Однажды в задержанном капитаном за сбыт наркотиков ублюдочного вида пареньке распознали, к ужасу начальства, племянника секретаря горкома партии... Ситуация была предельно ясной, но Кольцов, как позже было записано в его личном деле, «не сумел правильно квалифицировать происшествие» и засунул отпрыска благородного семейства в ИВС⁵... Хорошо, правда, что не все офицеры милиции были такими тупыми, как Кольцов, – вскоре племянник укатил на «Волге», исходя матерными ругательствами в адрес «вонючей мусорни», а Алексея Валентиновича пригласили в «большой кабинет на толстый ковер». Когда позже капитан вспоминал, как орали на него в этом кабинете, то сразу начинал тосковать и думать о водке... Слава Богу, хватило Кольцову ума, стоя на ковре, рта не раскрывать и права не качать, а иначе вылетел бы он вовсе из милиции.

«С сумой походишь!» – рявкнул Алексею Валентиновичу на прощание хозяин большого кабинета и слово свое сдержал – пришлось капитану Кольцову действительно переодеться в форму (оперативники-то мундиров отродясь не носили, предпочитая «гражданку») и нацепить на плечо нелепую сумку-планшет, положенную участковому, а ходить с портфелем или, скажем, с дипломатами им запрещалось... Другой бы на месте Кольцова спился или озлобился бы на людей, но Алексей Валентинович выдержал, рассудив просто: участковые, если разобраться, может быть, самые главные фигуры в милиции, просто эти фигуры очень для битья удобные... С одной стороны – без участкового ни одно дело не поднимешь, а с другой – именно на участкового инспектора всегда все и свалить можно в случае неудачи или просчета какого-нибудь. Опять же – участковый, он самый близкий людям милиционер...

Так рассуждал капитан Кольцов, чтобы не прорвались наружу боль и обида, потому что в глубине души он все-таки прекрасно понимал: ставить его, оперативника с огромным опытом (и, между прочим, с юрфаком Ленинградского университета за плечами), участковым – это все равно что микроскопом гвозди заколачивать... Спору нет, гвоздь забить – это тоже дело полезное, но... А с другой стороны, микроскопов в России одним больше, одним меньше – не оскудеет держава талантами...

Однако всему приходит конец – вот и капитан Кольцов распрощался все-таки со несчастной сумкой участкового. В восемьдесят третьем году началась знаменитая андроповская «чистка», затронувшая и верноподданную милицию. Кого посадили, кого просто уволили из органов, а вот Алексея Валентиновича перевели обратно на самую любимую и интересную для него работу – оперативную. Правда, не в главк, а в отделение, но и то хорошо... Конечно, в УУРе дела были более громкими и значительными, но Кольцов тосковал не столько по славе и победным фанфарам, сколько по обычной оперской жизни с ее вечными запутками, головоломками и охотничьим азартом.

При этом капитан не был прекрасодушным романтиком, и уж кто, как не он, хорошо знал, насколько эта жизнь отличается от того слащаво-геройского «горения» сыщиков-всезнаек, которых показывали в кинофильмах, выходявших каждый год штабелями, – по заказу «партии и правительства». Нет, диссидентом Кольцов не был, он понимал, что работу пра-

⁴ Земля, работа на земле – районное отделение, работа в райотделе МВД.

⁵ ИВС – изолятор временного содержания.

воохранительных органов надо пропагандировать, – но ведь не так же топорно... В реальной оперской жизни все было совсем не так красиво, как в кино. Настоящим сыщикам с земли зачастую приходилось ломать головы не над тем, как раскрыть преступление, а над тем, как, по сути, укрыть его. И не по злему умыслу, не для того, чтобы злодеям пособить, а исключительно затем, чтобы не испортить высокий процент раскрываемости, который обязан был неуклонно расти – под руководством все той же партии и того же правительства...

Вот и получалось частенько, что если хозяйка вынесла во двор ковер выбить и отошла на минутку с соседками посудачить, а вернувшись, ковра не обнаружила – то имела место никак не кража, просто внезапно налетевший ветер ковер унес... И у зазевавшегося велосипедиста никто велосипед не крал – подростки озорующие взяли покататься – без злого, естественно, умысла. Были и такие опера, которые могли зареванную девчущку убеждать в том, что никто ее не насиловал, чего уж там – сама давала, сгоряча да не подумавши...

Все это Кольцов хорошо знал и никакими иллюзиями себя не тешил. Но ведь была еще и настоящая работа – тяжелая, нервная, рутинная, однако выводящая в конце концов на след преступника, до поры неведомого... И были слова благодарности от тех людей, которым удавалось помочь. Не так уж часто приходилось их слышать Кольцову (люди, они странные, многие считают, что, когда у них что-нибудь крадут, это событие из ряда вон, а когда милиция вора задерживает – это само собой разумеющееся дело), но когда слышал, то аж весь светился изнутри.

Именно поэтому так рвался на оперскую должность сидящий капитан Кольцов – словно мальчишка. А по правде говоря, в чем-то Алексей Валентинович и был мальчишкой, возраст ведь не только прожитыми годами измеряется, есть еще и никем официально не признанный «коэффициент неугомонности души». Так вот, с этим коэффициентом у Кольцова был полный порядок. Хотя у его начальства по этому поводу имелось особое мнение...

Алексей Валентинович бодро дошагал до своего отделения, зашел в маленький, на два стола, кабинет и начал знакомиться с поступившими материалами.

Перед самым обедом к нему заглянул начальник отделения майор Грушенко и преувеличенно радостным тоном представил Кольцову здорового румяного парня с перебитым носом и спокойными голубыми глазами:

– Вот, Леша, прошу любить и жаловать! Новый опер – Никита Кудасов, бывший инженер с Кировского... Вводи товарища в курс дела, учи, шефствуй, так сказать...

Пожатие у Никиты было крепким и сухим, вообще этот парень сразу понравился Алексею Валентиновичу, чувствовалась в нем внутренняя сила и такая основательность.

– Андроповский призыв? – поинтересовался Кольцов у нового коллеги.

– Ага, – кивнул Никита. – Пять лет в прокатке... Теперь вот к вам. С чего начнем?

Алексей Валентинович внутренне усмехнулся: «Ишь ты, приткий какой... Быка, стало быть, за рога?» – и молча передал Никите два заявления: одно о краже детской коляски у районной поликлиники, а второе об ограблении студента Технологического института в баре «Тритон». Заявления такого рода сыпались в отделение пачками, в результате чего на каждом земельном опере висели по двадцать пять – тридцать дел самого широкого диапазона: от кражи лыж до квартирных разбоев. Отрабатывая весь этот «вал», инспектора уголовного розыска редко уходили домой раньше десяти часов вечера, а частенько им приходилось и оставаться в ночь... Такой сумасшедший ритм во многом определял текучесть оперских кадров, зато втянувшиеся уже не представляли себе жизнь вне розыска... Молодым операм никаких скидок на неопытность не делалось, с ними, как правило, поступали как с брошенными в воду щенками: выплывет – молодец, пусть дальше бегает, утонет – что ж, значит, не судьба...

«Посмотрим, парень, надолго ли тебя хватит», – думал Кольцов, незаметно наблюдая за Никитой, в рабочей папке которого через пару дней было уже двадцать шесть заявлений.

Кудасов за эти дни успел осунуться, однако не ныл и не жаловался, единственное, на чем его «прорвало» однажды, – это на полнейшем отсутствии в отделении каких бы то ни было технических возможностей. Кольцов особо издеваться над начитавшимся советских детективов парнем не стал, а, доброжелательно улыбнувшись, пояснил:

– С техникой любой дурак что хочешь поднимет... А мы за «трудное счастье»... Шариковая ручка, пистолет Макарова, «ксива»... Мало, что ли? Ножками, ножками двигать надо – волка, как в народе говорят, ноги кормят. Высчитываешь бандюгу, берешь – и коли его на здоровье...

Никита, заподозрив все же в словах Алексея Валентиновича легкую насмешку, насупился и больше вопросов о «технической оснащенности» не задавал.

К удивлению Кольцова, через три дня вчерашний инженер привел в отделение бабу-уборщицу из булочной, у которой были изъяты похищенные у студента-недотепы часы. Спустя еще сутки Кудасов приволок полупьяного бугая, в котором заикающийся студент опознал лицо, ограбившее его в баре «Тритон» после совместного распития бутылки «Агдама».

– Лихо, – прокомментировал успех новоиспеченного опера Кольцов. – И как ты на всю эту музыку вышел?

– Да так, – небрежно бросил Никита, не замечая, что копирует интонацию Кольцова. – Сорока на хвосте принесла...

– Понятно, – кивнул Алексей Валентинович. – Пойду-ка я воздуху глотну немного. Куришь ты, Никита, как паровоз прямо...

Кольцову хватило двух часов, чтобы полностью восстановить картину раскрытия ограбления студента. Оказалось, на бабу-уборщицу, купившую часы с рук, аукнула продавщица из той же булочной, а непосредственно на злодея Кудасов вышел самым прямым путем: появился в «Тритон» и душевно поговорил с барменом. Правда, имелся один нюанс. Когда бармен – из самых лучших побуждений, естественно – попытался вместо разговора о парне, ограбившем студента, угостить молодого опера колбаской и коньячком, Никита по-простому зашвырнул труженика стойки в дальний угол подсобки. После приземления на ящики бармен «вспомнил» все, что нужно: оказалось, что грабитель работал раньше в «Тритоне» швейцаром... А еще Кольцов успел перехватить этого самого бармена, несшего в прокуратуру заявление на Кудасова... Какое такое «слово петушиное» Алексей Валентинович сказал работнику «Тритона», один Аллах знает, но заявление свое бармен отдал почему-то не в прокуратуру, а Кольцову в руки. Да еще пообещал, что больше ничего такого писать не будет.

Вернувшись в кабинет, капитан посмотрел на сияющего, словно новый пятак, Никиту и сказал:

– Ну, что же, старина... Для начала неплохо. Сработано в общем-то грамотно. Есть, правда, одно маленькое обстоятельство...

– Какое? – насторожился Кудасов.

– Да, так, мелочовка... Прочитай для интереса.

И Кольцов положил перед Никитой листок, не дошедший до прокуратуры. По мере того как Кудасов вчитывался в заявление, его шею, уши и щеки последовательно заливала краска.

– Да он, гнида...

– Тихо! – гаркнул Кольцов, до того ни разу не повышавший в присутствии Никиты голос. – Тихо, бабка, немцы в сарае... Я, конечно, понимаю, пролетарское происхождение – оно обязывает действовать решительно и смело. Но ты учти, одной поганой бумаженции вполне хватит для того, чтобы ты под такие фанфары загремел – на всю жизнь хватило бы... И еще: каждая твоя глупость, она не только лично против тебя преступниками повернута будет, но и против всего дела, которому мы служим! И вообще – зачем же с шашкой на пуле-

мет? «Мяхше» надо, «мяхше», как советует Аркадий Райкин. И люди к тебе сами потянутся... Ну что, будем учиться?

– Будем, – угрюмо кивнул Кудасов. – Спасибо вам, Алексей Валентинович.

С того дня Кольцов действительно основательно принялся за обучение Никиты азам сыскной работы. Собственно говоря, это было даже не обучение, а скорее натаскивание – то, что рассказывал и показывал личным примером капитан лейтенанту, нельзя было прочесть ни в одном учебнике, да и в школах милиции такого курса не было. Алексей Валентинович учил Кудасова не только методике раскрытия преступлений, он объяснил бывшему инженеру, как выжить в Системе, не превратившись при этом в подхалима и сволочь. Кольцов «ставил» Никите оперское мышление, рассказывал, как распознать в человеке будущего потенциального «помощника» – сыскари старой школы очень не любили слово «агент» и почти никогда не употребляли его. Капитан терпеливо разжевывал Кудасову, как надо находить след, где его, казалось бы, и в помине нет, как идти по этому следу, как, при необходимости, «сбрасывать» собственные следы.

В общем, Кольцов учил Никиту оперскому образу жизни, и, надо сказать, ученик радовал и удивлял своего наставника – Кудасов все схватывал буквально на лету, казалось, он был просто рожден для этой работы, а в инженеры попал по недоразумению... Правда, успехи Никиты, возможно, объяснялись еще и преподавательским талантом Кольцова – капитан умел объяснять самые сложные и деликатные вещи очень доходчиво, образно и кратко...

Алексей Валентинович все больше привязывался к сильному и симпатичному парню – ничего удивительного в этом не было, своих-то детей Бог Кольцову не дал... Для Никиты же капитан стал просто непререкаемым авторитетом. Довольно быстро их тандем самым благотворным образом начал сказываться на проценте раскрываемости в отделении, и в конце марта на итоговом совещании майор Грушенко, говоря о «влившихся в ряды милиции новых кадрах», даже привел в пример Кудасова – Алексей Валентинович (которого почему-то не хвалили), сидя на жестком стуле в ленинской комнате, довольно жмурился, словно все комплименты достались ему самому.

Два опера – старый и молодой – работали в настолько плотном контакте, что в начале апреля Никите уже казалось, будто он знает Кольцова давным-давно. Фактически расставались они лишь для того, чтобы немного поспать ночью, – про выходные Никита забыл напрочь, а Алексея Валентиновича и раньше давно уже не тянуло в пустую квартиру... Нет, какие-то женщины в жизни капитана, что называется, присутствовали (точнее – мелькали), по крайней мере они звонили Кольцову на работу и пару раз натыкались на Кудасова, но когда Алексей Валентинович ухитрялся встречаться со своими пассиями и кто они такие – оставалось для Никиты загадкой. Кольцов не любил распространяться о своей личной жизни, а за месяц с небольшим Кудасов уяснил, что капитан говорит только то, что сам осознанно хочет довести до собеседника; если же он не желает о чем-то рассказывать, спрашивать, выпытывать, пробивать – бесполезно. Алексей Валентинович умел при необходимости засыпать собеседника ворохом слов, не давая при этом никакой информации. И не то чтобы Кольцов не доверял лейтенанту – наоборот, иногда старый битый жизнью опер говорил Никите такие вещи, какие не говорил до этого никогда никому из своих коллег, но... Очень многие страницы трудовой биографии и личной жизни Алексея Валентиновича были для Кудасова черными дырами.

К одной из таких дыр Никита прикоснулся в середине первой апрельской недели. В тот день Кольцов отсутствовал в отделении почти до обеда, а появившись наконец в кабинете, долго молчал, глядя в окно и чисто механически пытаясь накрутить на указательный палец прядку коротких волос. Кудасов с вопросами не лез, только поглядывал на капитана с любопытством и занимался накопившейся писаниной.

– Давай-ка в один адресок на Пестеля сгоняем, – неожиданно сказал Алексей Валентинович. – Там сегодня очень любопытная квартирная кража нарисовалась...

– На Пестеля? – удивился Никита. – Это же не наша «земля».

– Не важно, – махнул рукой Кольцов. – Наша, не наша... Собирайся, прогуляемся...

Кудасов без возражений выскочил из-за стола и начал натягивать куртку.

– А что в этой краже любопытного? – спросил он уже на выходе из отделения. Капитан пожал плечами и, как показалось Никите, без особой охоты пояснил:

– Заявка от бабки одной прошла. Она из магазина вернулась, смотрит – у соседа дверь нараспашку и в квартире полный погром. Ну, она, естественно, тут же в милицию звонит. Ребята только подъехали, только осмотр начали – хозяин объявился... Объявился он, значит, и говорит: «Не надо, мол, беспокоиться, это я сам двери взломал, ключи где-то выронил...» А то, что в хате кавардак полный, – так это, дескать, оттого, что документы затерявшиеся искал, очень срочно они понадобились. Ну, наши, ясное дело, уехали...

Кольцов замолчал и, кажется, не собирался больше ничего объяснять. Кудасов подождал немного, а потом не выдержал и растерянно спросил:

– Так если наши... А мы туда зачем идем?

– На хозяина посмотрим, – усмехнулся Алексей Валентинович и добавил со странной интонацией: – Для общего развития...

Больше Никита не задавал никаких вопросов, а Кольцов всю дорогу до квартиры думал о чем-то своем. Судя по угрюмому выражению, проступившему на его лице, мысли эти были не из самых светлых и радостных...

Открывший дверь пузан в алом шелковом халате с желто-зелеными драконами мельком глянул на лица оперов и, видимо, сразу поняв, что за гости к нему пожаловали, недовольно забурчал:

– Ну, что еще? Ничего не пропало, никакой кражи не было, недоразумение вышло. Я же уже все объяснял, заявление написал даже...

– Здорово, Бертолет, – негромко сказал Кольцов, и хозяин квартиры, вздрогнув, замолчал, а секундой позже прищурился (лестничная площадка была освещена не очень хорошо) и повнимательнее взгляделся в лица сотрудников милиции. Румяная физиономия молодого опера ничего ему не сказала, а вот капитана пузан узнал:

– А-а, гражданин начальник! Сколько лет, сколько зим... Давненько мы с вами не виделись. Не могу сказать, что сильно рад нашей встрече...

– Чихать я хотел на твою радость, – хмуро ответил Кольцов, после чего деловито втолкнул хозяина в глубь прихожей и спокойно шагнул в квартиру.

Ничего не понимавший Никита молча последовал за Алексеем Валентиновичем.

– В чем дело?! – заблажил было человек в халате. – Вы не имеете права!..

Но капитан усмехнулся, коротко глянул ему в глаза и угрюмо посоветовал:

– Заткнись, Бертолет, не пыли...

Тот, кого Кольцов называл Бертолетом, действительно заткнулся, только глазами злобно посверкивал, следя за тем, как капитан по-хозяйски разгуливает по его основательно разгромленной квартире. Впрочем, несмотря на полнейший беспорядок, чувствовалось, что достаток в доме имеется...

– Ну, что же, – сказал наконец Кольцов, удовлетворившись беглым осмотром. – Я смотрю, живешь ты неплохо... Бардак, правда, у тебя, но если прибраться – так очень даже благоустроенная хата. Хорошо зарабатываешь?

– Не жалуюсь, – без энтузиазма ответил Бертолет. – А в чем дело? Я свое отчалился⁶, работаю честно...

⁶ Чалиться – отбывать наказание (жарг.).

– Это хорошо, – кивнул Алексей Валентинович. – Это правильно... А где трудишься?

У Никиты сложилось впечатление, что Кольцов и сам прекрасно знает, где работает хозяин квартиры, тем не менее капитан, внимательно глядя Бертолету в глаза, ждал ответа.

– В магазине мебельном... В Пушкине, – неохотно выдавил из себя пузан. После секундной паузы он не выдержал и ядовито добавил: – Я слышал, и вы, гражданин капитан, направление работы поменяли?

– Устаревшие данные, – равнодушно отмахнулся Кольцов. – Жизнь не стоит на месте... Стало быть, ты при Зуеве состоишь? Хороший, я смотрю, у вас там коллективчик подобрался, просто артель какая-то...

Бертолет облизнул пересохшие губы и с деланным спокойствием пожал плечами:

– С Виктором Палычем... Только Говоровым, а не Зуевым – у вас, начальник, тоже данные устаревшие. Мы действительно работаем в одном магазине, и что с того?

– Да ничего, – хмыкнул капитан. – Так просто... Ну а кто тебе раскардаш в хате устроил? Поссорился с кем? Или коллеги недоперевыполненным планом недовольны?

Бертолет побледнел, но решительно вскинул подбородок:

– Я не понимаю, о чем вы? Я же объяснял – потерял ключи, а потом искал документы...

– Ага, – кивнул Кольцов. – Документы... И как, нашел?

– Нашел...

– Ну и молодец. Тогда нам и правда делать здесь нечего – зачем трудового человека от заслуженного отдыха отрывать? Пойдем, Никита...

Кудасов молча вышел из квартиры, а Кольцов на пороге еще раз обернулся:

– Приятно, что у тебя все в порядке и совесть чиста... Будут проблемы – звони.

– Непременно, – осклабился успокоенный уходом гостей Бертолет, в уголке его рта тускло блеснула золотая фикса. – И вы к нам заезжайте. Ежели, скажем, гарнитурчик нужен...

– Перебьюсь, – не ответил на улыбку Алексей Валентинович, а потом добавил очень тихо, так, что Никита еле расслышал: – Тревожно мне что-то за тебя, Бертолет. Ты подумай... А надумаешь что – звони...

Улыбка вновь сползла с лица работника мебельного магазина, и он торопливо захлопнул дверь.

Оперативники молча спустились по лестнице и вышли из темного подъезда на залитую апрельским солнцем улицу. Кудасов достал пачку «Беломора» и закурил.

– Дай-ка и мне, что ли, – неожиданно попросил его капитан.

– Так вы же... – растерялся Никита. – Вы же не курите?

– У меня был «никотиновый отпуск», – пояснил Кольцов. – Дай, не жадничай.

– Да я не жадничаю, – чуть покраснел Кудасов и протянул Алексею Валентиновичу аккуратно вскрытую пачку. Кольцов прикурил от папиросы Никиты и с наслаждением затянулся.

Это была его первая затяжка за четыре года. Когда капитана «слили» в участковые, он решил бросить курить, потому что в первые дни ссылки засаживал по две пачки сигарет в день...

– Ну и как тебе хозяин? – спросил Кольцов, выкулив папиросу до половины. Никита кашлянул и серьезно ответил:

– Похоже, из ранее судимых...

– Ценное наблюдение, – так же серьезно кивнул Алексей Валентинович. Кудасов вспыхнул, но сказать ничего не успел, потому что Кольцов задал новый вопрос: – И по каким же делам он чалился?

Кудасов хотел было раздраженно ответить, что не он сажал Бертолета и... Но тут Никита вспомнил руки хозяина – на среднем пальце левой был вытатуирован характерный «перстень».

– Разбой? – неуверенно спросил Кудасов. Капитан довольно разулыбался:

– Молодец, заметил... Бердников Иван Сергеевич, он же «Тургенев», он же «Бертолет», тысяча девятьсот сорок третьего года рождения, осужден за разбой в семидесятом... А теперь – видишь, продавцом трудится. Меняются люди...

Кольцов раздраженно закусил бумажный мундштук и в одну затяжку дожег папиросу до конца... Нет, все-таки с капитаном явно творилось что-то странное, и это «что-то» было связано с Бердниковым-Бертолетом. Или еще с кем-нибудь?

– А этот Зуев, – спросил Никита, – про которого вы говорили... Виктор Палыч. Он кто?

– Виктор Палыч? – Кольцов усмехнулся. – Это очень интересный человек, Никита, очень... В мебельном магазине в Пушкине работает, – но это временные, так сказать, меры...

– А чем он интересен? – Кудасов почувствовал, что услышит в ответ что-то необычное, и не ошибся.

– Интересен он тем, – медленно сказал капитан, – что мафии у нас нет. А Виктор Палыч – есть...

Никита недоуменно вскинул брови, но спрашивать ничего не стал, ожидая продолжения. Кольцов красивым движением зашвырнул окурок в урну (а стояла она метрах в трех от Алексея Валентиновича) и посмотрел лейтенанту в глаза:

– Такие вот дела... Живет в Ленинграде тихий и скромный человек, работает в мебельном магазине, а с его рук не один генерал кормится. А мафии у нас нет...

– Как генералы? – переспросил обалдевший Никита. – Какие генералы?

– Ну, не американские же, – улыбнулся Кольцов. – Ладно, не забивай себе голову. Будет время – расскажу тебе кое-что... А сейчас бери-ка ноги в руки, иначе на политзанятия опоздаем. А сегодня опаздывать никак нельзя – к нам в отделение, по имеющейся информации, сам Горелов нагрянуть должен. Он раньше в обкоме инструктором работал, все городские бани курировал. Будет нас уму-разуму учить, объяснит, как добиться всеобщей раскрываемости...

И снова потянулись обычные оперские будни для капитана Кольцова и лейтенанта Кудасова, и все шло как обычно, за одним исключением: Никита обратил внимание, что Алексей Валентинович стал чуть ли не каждый день исчезать неведомо куда на несколько часов, а потом возвращался хмурый и словно сильно обеспокоенный чем-то. А еще заметил лейтенант, что капитан после своих отлучек странно поглядывает на него, будто размышляет: рассказать Никите что-то или повременить?.. При этом у Кудасова возникало ощущение, что Кольцов молчит не от желания скрыть нечто важное, а просто ограждает его, Никиту, от какой-то опасной информации. Ощущение это больно било по самолюбию лейтенанта, и он уже собирался «серьезно поговорить» с Алексеем Валентиновичем, – но жизнь, как всегда, внесла свои коррективы и никакого специального разговора не понадобилось...

16 апреля 1983 года прошла по милицеским сводкам информация об одном происшествии, зарегистрированном как «самоповешение». К слову сказать, в те годы самоубийства (статистика которых тщательно скрывалась) вовсе не были такой уж редкостью, вот и данный конкретный случай никакого особого интереса не представлял, если бы не одно обстоятельство – повесившегося звали Иваном Сергеевичем Бердниковым...

Когда Кольцов (напряженный и злой) и Кудасов прибыли в квартирку Бертолета, там остался уже только участковый, ожидавший, когда хозяина, снятого с крюка в потолке гостиной, заберут в морг.

Капитан долго смотрел на посиневшее лицо покойника, потом досадливо крякнул и, засунув руки в карманы брюк, неспешно прошелся по квартире. На этот раз жилище Бертолета было вылизано и прибрано, словно он перед смертью готовился принять у себя важную партийно-правительственную делегацию. Никаких следов беспорядка не наблюдалось, лишь на кухонном столе остались тарелка с недоеденным ужином, початая бутылка «Хванчкары» да недопитый фужер... По словам участкового, там же, на столе, лежала записка, в которой хозяин просил никого не винить в его смерти, с подписью и датой, как положено. Записку эту изъясил дежурный следователь районной прокуратуры...

Участковый скучал и никакого интереса к осмотру, проводимому Кольцовым и Кудасовым, не выказал, сидел себе на кухне и зевал. Кстати, именно на кухне заметил Никита странную деталь – в раковине стояли еще два фужера, на них капала вода.

Кольцов перехватил взгляд лейтенанта и незаметно кивнул, мол, вижу, вижу... А больше операм ничего любопытного обнаружить не удалось.

– Ну, какие соображения? – спросил Алексей Валентинович, когда они вышли из квартиры Бердникова. Никита пожал плечами и, подумав, ответил:

– Что-то здесь не так... Не мог этот Бертолет сам из жизни уйти.

Капитан кивнул, но тут же переспросил:

– Почему же? Может, его депрессия внезапная посетила?

Никита посмотрел Кольцову в глаза и сказал тихо:

– Может, и депрессия... Но почему он тогда собирался «Волгу» новую покупать? Нехарактерно это для человека, страдающего депрессией... И вообще покойный жизнь любил – у него и «Жигули» были, и две дачи... Любовница – в театре на Литейном играет.

– О-па! – присвистнул Алексей Валентинович. – А ты, я смотрю, времени зря не терял... Решил сам справки по Ване навести. Молодец!

Ободренный похвалой Кудасов чуть покраснел и продолжил:

– И фужеры эти в мойке... Похоже, гости были у Бердникова.

– Похоже, – вздохнул капитан, – похоже... Ошибся я. Думал, еще по крайней мере сутки есть...

Кольцов замолчал, потом вынул из кармана пачку «Стюардессы», закурил и, кивнув на лавочку в маленьком сквере, предложил:

– Присядем. Есть о чем поговорить...

На лавочке капитан быстро докурил сигарету до фильтра и тут же зажег новую.

– Значит, тема тут такая... Бертолет покойный до недавнего времени трудился при Викторе Палыче Говорове – в девичестве Зуеве... Есть у этого тихого человека еще одно имя, точнее кличка, погоняло... Антибиотик. Милый и скромный человек, ударник и общественник, полностью осознавший ошибки молодости, выразившиеся в двух судимостях... Последние два года Виктор Палыч живет совсем богобоязненно и скромно, просто ангел бескрылый. А ведь в прошлом он – вор в законе... Знаешь, кто это такие?

– Слышал, – кивнул Кудасов. – Но у нас ведь давно с ними покончено. Это раньше было...

– Покончено, да не совсем, – вздохнул Кольцов. – К слову сказать, Виктор Палыч со всего Союза гостей принимает, за советом к нему из разных городов до сих пор собираются, да... Так вот, в восемьдесят первом у Антибиотика крупные неприятности начались, он и нырнул в Пушкин, женился, фамилию сменил, забился в нору, как мышка... И уцелел, а ведь имел все основания по «луковому делу» в камеру пойти...

– По какому делу? – не понял Никита.

– По «луковому», – досадливо сморщился капитан. – Крупная афера была, сейчас не об этом речь, будет время – расскажу... Дело-то, кстати, так и посыпалось потом, мелочь одна на зоны пошла... Да, так вот, у Антибиотика до сих пор главный интерес был – сидеть

тихо и не высовываться. И людям он своим то же самое велел. Но «человеческий фактор» – это тебе не мешок урюка... Есть такая поговорка: «Жадность фраера сгубила». А я тебе по секрету скажу – она, то есть жадность эта, не только фраеров губит... Бертолет, безвременно упокоившийся, уж никак не фраером был, а вот поди ж ты – не совладал с собой... Вот и вышло в результате, что деньги он любил больше жизни...

Кольцов хмыкнул и начал привычно наматывать короткую челку на указательный палец, прикидывая, что еще можно сказать лейтенанту и какими именно словами.

– После того случая с его квартирой, – продолжил наконец Алексей Валентинович, – пришлось мне с самыми разными людьми встречаться и говорить... и выяснилось одно очень любопытное обстоятельство – к Бертолету приезжали гости, часто приезжали, раз в неделю минимум... Причем, как я выяснил через свои каналы, не с пустыми руками они к Ване заезжали, а с дорогим товаром. С наркотой...

– С наркотой? – удивленно переспросил Кудасов.

– С ней, родимой, – вздохнул капитан. – Смекаешь, какой расклад получается?

Никита неуверенно кивнул, но потом все же честно сказал:

– Не совсем... Получается, Бертолет самостоятельностью занимался? Вы говорили, что Антибиотик был заинтересован сидеть тихо...

– Молодец, – улыбнулся Кольцов. – В корень смотришь. Виктору Палычу все эти темы с ширевом-шмыгаловом⁷ и прочим кайфом – ну никак сейчас не нужны... Сгорит кто-то один в цепочке – он и остальных за собой потянет. Это же они на воле все такие крутые и борзые, а на допросах, как правило, все болтать начинают... У меня за всю жизнь человек пять всего было, которые четко молчать умели. А от остальных я, что хотел, получал... Да, так вот, действительно по всему выходило, что Ваня свой сепаратный гешефт открыл под самым носом у Антибиотика, заметим – гешефт довольно тухлый, от наркоты всегда паленым пахнет... К тому же Бертолет, авторитетом Палыча прикрываясь, в общак долю, естественно, не отдавал. Когда Антибиотик все это просек, он, безусловно, расстроился... А как не расстроиться, когда в собственном коллективе такое блядство творится? Я думаю, в другой бы ситуации Ваню просто сразу грохнули, но Виктору Палычу к себе внимание привлекать крайне нежелательно, к себе и к магазину в Пушкине... Поэтому гражданина Бердникова для начала тактично предупредили – и словом, и делом. А он не унялся, к нему за четыре дня до гибели человек из Красноводска приезжал, товар сбросил... И завтра курьер прибывает – из гостеприимного города Львова.

– Он что же, Бердников этот, – сумасшедшим был? – хмыкнул Никита. – Предупреждения не понял?

– Сложно сказать, – почесался в затылке Алексей Валентинович. – У него самого уже не спросишь... Я ведь тоже сначала ситуацию себе по-другому представлял, думал, что Палыч при делах в этой теме с наркотой был... Удивлялся еще, чего он так подставляется. А намеренно поговорил с одним человеком – он мне немножко тему подсветил, совсем другой расклад нарисовался... Я думаю, у Бертолета просто выхода не было, не мог он сразу все свои завязки просто взять и оборвать в одночасье – авансы-то отрабатывать нужно... Ребятишки-то, которые кайф двигают, они люди серьезные, тоже не поняли бы... Получилось, что попал Ваня в вилы. Может, рассчитывал, что еще успеет пару раз груз принять, а потом и зашхерился бы... Не знаю. У меня ведь информация тоже не всегда стопроцентная... Точно знаю, что Антибиотик про человека из Красноводска узнал и про курьера, который из Львова едет, – тоже... Вот на этом втором курьере я и прокололся, думал, что Палыч даст Бертолету украинца встретить и только потом разбор поведет, а оно видишь как все вышло... Не стали они ждать, приключения себе на жопу кликать. Грамотно, в общем-то... Старее я, видать,

⁷ Ширево, шмыгалово – наркотик (жарг.).

забыл, что это у нас – лучше нет, когда с поличным накрываешь. А в их мире все совсем по-другому... Я-то рассчитывал Ваню с курьером вместе взять. А если бы там и еще какие-нибудь ребята Палыча обнаружились бы, совсем красиво могло получиться... Это, кстати, тебе на будущее: запомни, что красивые и сложные комбинации удаются редко, работать нужно всегда от простого. Вот как Антибиотик хотя бы: не стал рисковать, просто и без затей закрыл тему... И что осталось? Слова, которые никуда не пришьешь и никому не предъявишь. А из слов и догадок дела не слепишь...

– Но вы же знаете... – начал было Кудасов, но Кольцов устало перебил его:

– Знать и доказать – это, как в Одессе выражаются, две большие разницы... Ладно, давай прикинем, что у нас осталось на руках... Завтра на Варшавский вокзал львовским поездом должен прибыть курьер, который, естественно, про смерть Бертолета ничего не знает. Известно про курьера немного, да и то, что известно, скорее предположения... Якобы зовут его Толя Бес, на вид ему лет сорок – сорок пять, среднего роста, худощавого сложения, одевается опрятно, постоянно носит темные очки... Волосы седоватые, из особых примет – след ожога на левой щеке. Это все... Если этот Толик приедет, то с ним должен быть чемоданчик с партией сырья. Встречать его уже некому – стало быть, попробуем встретить Беса мы... чтобы не было ему одиноко в чужом городе. Значит, завтра...

Кольцов замолчал и о чем-то задумался. Несмотря на то, что Толя Бес должен был прибыть в Ленинград в субботу у, Алексею Валентиновичу даже в голову не пришло поинтересоваться – нет ли у Никиты каких-нибудь планов на выходные? Капитан, будучи сам фанатиком сыска, полагал, что любой нормальный опер должен относиться к делу так же, как он, подчиняя ему, этому делу, все личное... Кудасов незаметно вздохнул, представив себе на минуту, что скажет дома жена, но ничего Кольцову говорить не стал. Капитан закурил новую сигарету и энергично шлепнул себя ладонью по коленке:

– Значит, завтра... Львовский поезд прибывает в пятнадцать двадцать... Нам с тобой на вокзале надо быть в четырнадцать сорок – оглядимся, позиции наметим... Цель операции: задерживаем Толю Беса с поличным, «упаковываем» его, везем к нам и работаем. Если повезет – может, что-нибудь интересное из него выжмем... Хотя он, скорее всего, просто пешка, замыкался непосредственно на Бертолета. Вряд ли этот красавец располагает еще какой-нибудь ценной информацией... Но чемодан наркоты – это тоже не так плохо, палку срубим⁸, львовянам поможем. Менты друг дружке помогать должны при любой возможности, потому что сегодня ты им доброе дело сделал, завтра они тебе... Вопросы?

Никита кашлянул и поинтересовался:

– А мы... Мы только вдвоем на вокзале будем?

Кольцов усмехнулся:

– Что, думаешь, не управимся? А по-моему, так два опера на одного блатаря – в самый раз... Не звать же «гэзэшников» с собаками. Тем более что еще неизвестно – приедет этот Бес или нет. Информация-то непроверенная... В крайнем случае ребята из линейного⁹ помогут. Не дрейфь, Никита.

– Да я не дрейфлю, – смутился Кудасов и опустил голову. Ему не хотелось, чтобы капитан заподозрил его в робости. Поэтому Никита не стал ничего говорить о тревожном предчувствии, охватившем его в то время, пока Кольцов детализировал план предстоящей операции. В конце концов, не все предчувствия сбываются, да и поди отличи предчувствие от обычного предстартового мандража...

⁸ Срубить палку – поставить «галочку» в отчетности о состоянии дел.

⁹ Линейное – вокзальное отделение милиции.

17 апреля 1983 года львовский поезд ровно в 15.20 прибыл на Варшавский вокзал. На перроне царила обычная сутолока – встречающие метались между вагонами, высматривая в окнах родных и знакомых, а высмотрев, начинали махать руками и что-то радостно кричать. По всей длине состава деловито распределялись носильщики с тележками. В общем, было шумно и суматошно, как всегда при прибытии поездов. В толпе встречающих никто не обратил особого внимания на двух мужчин, один из которых держал в руках букет цветов, а другой – открытую бутылку пива...

Эти двое вели себя не так шумно, как остальные встречающие.

Никита с букетом чахлах гвоздик занял позицию в самом начале платформы, у локомотива. Кольцов, канавший¹⁰ под мучимого похмельем ханурика, обосновался тремя вагонами дальше и чуть правее. Фактически, за несколько минут операм предстояло пропустить через себя огромный людской поток, попытаться вычленив из него Беса (которого они никогда в жизни не видели), и, при всем этом лейтенант с капитаном должны были изображать обычных встречающих, чтобы не спугнуть «клиента» слишком пристальным разглядыванием лиц пассажиров.

Кудасову с трудом удавалось удерживать на лице маску счастливого влюбленного кретина, ожидающего «царицу своих грез», – почему-то лейтенант был уверен, что курьер все-таки прибыл, а стало быть, его ни в коем случае нельзя упустить... Никите еще не приходилось принимать участия в серьезных задержаниях, поэтому он, конечно, изрядно волновался. Апрельский день был не таким уж теплым, но Кудасов чувствовал, как по его спине стекают к пояснице капельки пота...

Львовский поезд причалил к левой стороне платформы, а правая еще пустовала, и Никита подумал, что при задержании Бес может попытаться спрыгнуть на рельсы. Если он все-таки приехал...

Примерно половина пассажиров уже прошла мимо оперативников, но человека, подходившего под известные приметы, все не было. Краем глаза лейтенант, строго державший свой сектор, заметил, как Кольцов вдруг двинулся развинченной походкой навстречу человеческому потоку. На несколько секунд фигуры пассажиров закрыли Алексея Валентиновича, а потом в том месте, где находился капитан, возникло какое-то водоворотное движение, какая-то непонятная суеда. Никита перевел туда взгляд и, словно в замедленном кино, увидел прибывающий к правой стороне платформы состав.

Лейтенант еще ничего не успел понять, но сердце у него вдруг бухнуло и словно провалилось в живот... А потом там, где только что находился Кольцов, закричали люди...

Алексей Валентинович успел «срисовать» Беса – собственно, к нему-то он и двинулся, продолжая играть роль замурзанного алкаша. Но когда до курьера оставалось всего метра два, капитан уловил какое-то странное движение слева от себя, и исходило оно из группы ничем не примечательных мужичков, еще мгновение назад деловито спешивших к выходу с перрона. Кольцов понял, что просчитался, – Беса все-таки встречали... Догадку погасил вылетевший словно из ниоткуда удар кастетом в левый висок. На мгновение капитан словно увидел себя со стороны – его тело медленно падало прямо на рельсы перед прибывающим поездом. А потом картинка рассыпалась...

Никита отшвырнул в сторону дурацкий букет и, расталкивая пассажиров, рванулся туда, откуда неслись уже женские крики и чудовищный скрежет тормозов локомотива... Машинист не мог остановить тяжелый состав мгновенно, и тело Алексея Валентиновича проволочило несколько метров по рельсам и бетонным шпалам...

Когда Никита подбежал, несколько доброхотов уже собирались спрыгивать с платформы на рельсы. В окошке локомотива белело лицо машиниста с раскрытым ртом.

¹⁰ Канать – притворяться, играть роль (*жарг.*).

Истошно вопила какая-то бабка с кутулями. Набегавшие люди торопились узнать, что случилось.

– Да пьяный он был – шел, шатался!

– «Скорую» надо скорее, «скорую»...

– Милиция! Милиция!

– Сыночка, не смотри, отвернись, дядя был пьяный, упал...

– Миша, Миша, не лезь туда, Миша!

– Ни хрена себе! Я, главное, смотрю – мужик вроде как не в себе...

– Знакомого он увидел – встречал, наверное. Он к нему побежал и запнулся... Мужик, наверное, в поезде забыл что-то: шел, шел, вдруг развернулся – и назад... А этот, с бутылкой, его окликнуть хотел...

Кудасов, медленно выходя из глубокого ступора, повернулся к мужику, сказавшему про то, что Кольцов увидел знакомого. Мужик, натолкнувшись на безумный взгляд Никиты, наклонился к лейтенанту и участливо спросил:

– Ты что, парень? Заплохело?

Несколько мгновений Никита не мог вымолвить ни слова – его словно заклинило, он молча смотрел мужичку в лицо и тяжело дышал...

(Странные иногда вещи происходят с человеческой психикой – потом Кудасова долго будут мучить кошмары, в которых ему придется заново переживать все то, что произошло на перроне Варшавского вокзала 17 апреля 1983 года. И каждый раз почему-то эти сны будут обрываться на том моменте, когда Никита глядит в лицо мужчины, говорящего, что Алексей Валентинович побежал за знакомым... Время постепенно размозит черты этого лица, от него останется только одна деталь – красноватая родинка на левом веке. А мертвое изломанное тело Кольцова не приснится Кудасову ни разу...)

С огромным трудом лейтенант смог наконец выдать из словно проржавевшего горла одно слово:

– Как?!

– Чего «как»? – удивился мужчина с родинкой на левом веке. Эта родинка была единственным, обо что спотыкался взгляд, – остальные черты лица казались неумовимо усредненными, словно смазанными. Люди с такими лицами похожи сразу на многих и одновременно ни на кого конкретно.

– Как выглядел этот знакомый?! – закричал Кудасов, и к нему начали поворачиваться удивленные люди. Не обращая ни на кого внимания, Никита схватил мужика с родинкой за рукав и дернул на себя. – Как он выглядел, быстро! Я – сотрудник угрозыска.

– Он... – растерянно пробормотал мужчина. – Он такой худощавый, седой. Лет сорок ему... В сером плащике. С чемоданчиком...

– Куда он пошел? Куда?!

– Туда, – махнул рукой мужик в сторону хвоста поезда. – Я толком не видел... Этот, второй, почти сразу с платформы свалился.

Лейтенант развернулся и, расталкивая людей, побежал вдоль опустевших вагонов поезда, спрашивая у каждого проводника, не возвращался ли худощавый седой пассажир в сером плаще с чемоданчиком. Проводник седьмого вагона сказал, что видел, как похожий человек бежал в конец платформы. Кудасов рванул к последнему вагону, остановился на краю перрона и отчаянно закрутил головой во все стороны. Но Бес, или тот человек, который был похож на Беса, словно растаял в прозрачном апрельском воздухе...

Когда Никита вернулся к месту гибели Кольцова, там уже вовсю работали линейщики. Кудасов попытался найти глазами мужика с родинкой на веке, но тот, видимо, уже успел уйти – кому охота ждать, пока тебя в свидетели запишут?..

Тремя часами позже Никита сидел в кабинете майора Грушенко и тусклым голосом рассказывал про все, что случилось на Варшавском вокзале. Кудасов говорил долго, потому что ему пришлось изложить и предысторию, касавшуюся Бертолета и его странного самоубийства. Упомянул лейтенант, естественно, и Антибиотика, и Беса – собственно говоря, Никита лишь пересказал рассказанное Кольцовым...

Грушенко, выслушав рассказ Никиты, долго молчал, а потом тяжело вздохнул и с силой провел пятерней по своей блестящей лысине:

– Эх, Лешка, Лешка...

– Товарищ майор... – начал было Кудасов, но Грушенко прервал его взмахом руки:

– Подожди, Никита... Алексей моим другом был... Ты же не знаешь, чего мне стоило на оперскую должность его перетащить. Хорошо, что ты сразу мне позвонить догадался... Ты... вот что... Про всю вашу комбинацию с Бесом и Бертолетом – молчи.

– Но, товарищ майор...

– Я знаю, что говорю! – повысил голос Грушенко. – У тебя, кроме слов, ничего нет... Никто тебе не поверит, решат, что ты Лешку выгораживаешь... А он... Ты бы почитал, как его замполит характеризует... Нет у нас мафии... А с теми, кто ее найти пытается, очень странные вещи случаются. Ты хороший парень, Никита, и со временем из тебя может выйти правильный мент... Я хочу, чтобы ты дальше работал, а не сгорел, как мотылек на свечке... Молчи. Пройдет время, и ты поймешь, почему старый майор Грушенко на себя этот грех берет... Голову о стенку расшибить – дело нехитрое... Труднее подготовиться, оснаститься грамотно – снести, на хер, эту стену. Алешка поймет, не обидится...

Грушенко снова вздохнул, отпер свой сейф и вынул оттуда бутылку «Московской»:

– Ладно, лейтенант, давай помянем Алексея... Пусть земля ему пухом будет...

На похороны Алексея Валентиновича, к удивлению Никиты, пришло много народу, но хоронили капитана скромно – салют и оркестр ведь только старшим офицерам полагаются. Траурная церемония не заняла много времени...

Через неделю после похорон Никита, просматривая сводку, натолкнулся на информацию о неопознанном трупе, выловленном в озере Долгом... Приметы утопленника, при котором никаких документов не оказалось, заставили Кудасова навести подробные справки. Через некоторое время при помощи дактилоскопической идентификации удалось установить, что в мире живых утопленника звали Анатолием Мироновичем Безюченко, что он дважды был судим и в местах лишения свободы приобрел кличку Бес. По заключению экспертов, на момент смерти Безюченко находился в состоянии сильного алкогольного опьянения...

Кудасов сразу доложил майору Грушенко о том, что Бес все-таки нашелся, что он не был плодом больного воображения покойного Алексея Валентиновича, но... Грушенко в ответ только вздохнул: информация об утопленнике в Долгом ни на что повлиять, в принципе, уже не могла.

Короткое служебное расследование по поводу смерти инспектора уголовного розыска 98-го отделения милиции пришло к выводу, что капитан Кольцов погиб в результате несчастного случая...

Часть I Директор

Октябрь – ноябрь 1993 года

Тяжелая дверь центрального подъезда Большого дома гулко ухнула вслед сбежавшему со ступенек майору Кудасову. Начальник 15-го отдела РУОПа¹¹ на хорошей скорости преодолел расстояние до служебной стоянки автомобилей ГУВД и УФСК и рванул правую переднюю дверцу белой «семерки».

– Быстро, Леша, Бухарестская, восемнадцать! – выдохнул Никита Никитич, падая на жалобно скрипнувшее сиденье и энергично захлопывая за собой дверцу. – Давай включай мигалку и жми! Придется правила понарушать...

Водитель 15-го отдела Алексей Семенов захлопнул томик Леонова, запустил двигатель и заметил с некоторой обидой, словно Кудасов заподозрил его в чем-то нехорошем:

– А я, Никита Никитич, вообще по правилам не езжу!

Леша говорил чистую правду – о его манере вождения в управлении ходили легенды и анекдоты...

«Семерка», вскрикнув покрывками, рванула с места и понеслась по Литейному, заставляя прижиматься к тротуару степенные иномарки. Кудасов молча смотрел вперед, и его угрюмая физиономия побуждала водителя выжимать из «жигуленка» все лошадиные силы.

А причина спешки заключалась в том, что Никита Никитич получил экстренное сообщение от Максима Егунина, возглавлявшего опергруппу по задержанию некоего Саши Дятла, бригадира «тамбовцев». Максим, которому было поручено вести наблюдение за квартирой, где собралась тамбовская братва, доложил, что обстановка резко изменилась – в хату привезли двух еле стоявших на ногах коммерсантов (по крайней мере, выглядели эти двое как типичные барыги) в длиннополых пальто и очках, заклеенных черной бумагой. Появление в хате плененных – судя по всему – бизнесменов существенно осложняло предстоявшее задержание. Как следовало из предыдущих сообщений Егунина, братки в квартире уже качественно наширялись, поэтому не исключались эксцессы. Из барыг обдолбавшиеся «тамбовцы» запросто могли соорудить живой щит... Кудасов хорошо представлял себе, какой вой поднимется в городе, если при штурме квартиры пострадает хоть один из коммерсантов. И дела никому не будет до того, что эти бизнесмены, скорее всего, сами приключения на свою голову нашли, – по крайней мере, именно так обстояли дела с большинством освобождаемых РУОПом заложников-коммерсантов. Сначала они с бандюгами трутся, а потом вопят – спасите, помогите!.. Бизнесмены...

Начальник 15-го отдела дернул желваками и сморщился – третий день у него ныл уже не реагирующий на анальгин зуб, а до дантиста все никак не добраться...

– Надолго сегодня, Никита Никитич? – осторожно поинтересовался у насупившегося шефа Семенов.

– Как получится, – буркнул Кудасов. – В таких ситуациях загадывать...

Глянув на озабоченное лицо Алексея, Никита Никитич все же спросил:

– А что, у тебя проблемы какие-нибудь?

– Да не то чтобы... Жене обещал пораньше прийти... Сестра ее к нам в гости из Смоленска приехала.

¹¹ ОРБ было переименовано в РУОП в марте 1993 года, однако довольно долго еще в разговорах бытовала старая аббревиатура.

Кудасов вздохнул. Его собственная семейная жизнь давно уже превратилась в сплошную проблему – и кого было в том винить? Нормальным женщинам нужны нормальные семьи, а не «ночующие мужья». Да и то ночующие не всегда...

По чести говоря, жена опера – нервная и неблагодарная профессия, и далеко не каждая женщина может овладеть этой специальностью... Заметим, что далеко не все оперские жены сами себе эту специальность выбирали, – они выходили замуж за инженеров, учителей, за будущих юристов, наконец, а уж потом судьба распорядилась по-своему... С опером жить трудно, и что толку в том, что ни муж, ни жена не виноваты, когда жизнь не складывается? Вины нет, а беда есть...

Отчетливо понимая, что его семья уже практически развалилась, Кудасов пытался как-то учитывать интересы жен своих сотрудников. Никита Никитич женщин понимал и жалел, но не настолько, чтобы при этом поступаться интересами дела...

– Ладно, – сказал Кудасов водителю. – Отпустим тебя пораньше...

– Да я, – смутился Алексей, – я вместе с ребятами... Я не к тому...

Семенов смешался окончательно и еще больше пригнулся к рулю.

Белая «семерка» ураганом пронеслась по сравнительно свободным от автомашин улицам Купчина, свернула в тихий дворик и резко затормозила у ничем не примечательного подъезда девятиэтажки. Из парадной скользнула быстрая тень, через несколько секунд капитан Егунин уже устраивался на заднем сиденье «Жигулей». Максим жевал незажженную сигарету и заметно нервничал. Кудасов, наоборот, казался спокойным, как паровоз.

– На каком этаже хата? – не тратя времени на приветствия, поинтересовался начальник 15-го отдела.

– На четвертом... Окна выходят во двор и на улицу.

– Ясно... Сколько их там?

– Было четверо, – вздохнул Егунин, – но потом еще трое подвалили... По нашей информации, в квартире две «тэтэхи» и автомат...

– Понятно... Что у нас с людьми? Максим вынул изо рта изжеванную сигарету и доложил:

– Я подтянул группу Вадика Резакова с Малокарпатской – там, похоже, адрес пустой... Омоновцев четверо – сидят в «техничке» у соседнего дома. Плюс мои...

Никита Никитич что-то прикидывал несколько секунд, потом посмотрел на Егунина:

– Твои соображения?

– Задерживать нужно, – пожал плечами опер. – Только вот коммерсанты эти... Как бы их не зацепить... Мы их толком рассмотреть не успели, но, похоже, они уже прилично обработанные...

Кудасов отвернулся, прикрыл глаза, помолчал.

– Обыск у нас на эту хату имеется?

– Что? – встрепнулся Максим. – Обыск? Да, санкционированный.

– Ну и ладно, – кивнул Никита Никитич. – Будем брать... Пойдем одновременно через дверь и окна... Надо «пожарки» подогнать. Готовь людей, Максим.

– Есть! – ответил Егунин и торопливо выбрался из машины.

Похоже, короткое общение с шефом благотворно сказалось на его волнении – нет, капитан вовсе не боялся предстоящего задержания, но все равно приятно, когда ответственность за операцию переходит с твоих плеч на плечи кого-то другого...

Через полчаса подошли две пожарные машины, загрузившиеся штурмовой группой. Ребята Егунина зажгли во дворе дымовые шашки и быстро заняли позиции в подъезде.

Между тем в квартире, где расположились «тамбовцы», обстановка была самой неприужденной. Саша Дятел, пыхнув после трудового дня косячок¹² анаши, снимал стресс в одной из комнат с подопечной ларечницей, остальная братва тусовалась между гостиной и кухней, балуя себя пивком и водочкой, двое коммерсантов с полиэтиленовыми мешками на головах бесформенными кулями сидели на полу в коридоре и глухо постанывали – мешки на шеях у барыг не были затянуты, но все равно пленникам, видимо, доставало кислорода... «Правая рука» Дятла, некий Вова Буль (получивший свою кличку за устойчивую ассоциацию с бультерьером, возникавшую при взгляде на его рожу, а также за доставшуюся от папы с мамой фамилию Бульбенко) подошел к окну, выходящему во двор, посмотрел вниз и повел носом. Суэта вокруг пожарных машин чрезвычайно развеселила Вову, и он решил поделиться наблюдениями с бригадиром.

Дятел как раз поставил ларечницу в позу прачки и, молодецки ухая, засаживал ей свое хозяйство под самый корень. Девушка упиралась обеими руками в жалобно скрипевший при каждом толчке диван, у нее были хорошая, ядреная задница и сильные ноги. Ее постанывания, скрип дивана и собственное уханье чрезвычайно возбуждали Дятла, он даже прикрыл глаза от удовольствия, а по его лицу блуждала счастливая детская улыбка. Бесцеремонно ввалившийся в комнату Буль несколько нарушил идиллию:

– Слышь, Саня... Там, это... Какая-то хуета внизу...

– Чево?! – недовольно спросил Дятел, открывая глаза, но не переставая ритмично двигать тазом.

– Короче, там, это... Похоже, пидоры снизу – горят... Дымом тянет...

– Поссы на них с окошка, – раздраженно порекомендовал Дятел. – Может, погаснут...

Не ломай кайф, Вова! Щас кончу – посмотрим, где чево горит...

Буль счел шутку Дятла насчет тушения пожара «пионерским» способом чрезвычайно удачной, хлопнул себя по ляжкам и загоготал. В таком хорошем настроении он вернулся в гостиную и снова подошел к окну. Возможно, он действительно хотел исполнить рекомендацию бригадира буквально – трудно сказать наверняка, потому что в ту самую секунду, когда Вова Буль, жизнерадостно смеясь, подошел к окну, стекла разлетелись с нежно-жалобным звоном, и в комнату начали запрыгивать один за другим омовцы в черных куртках и черных масках, с короткими автоматами в руках...

Одновременно с этим из коридора донесся треск безжалостно и совсем неинтеллигентно вышибаемой двери. Все это было так неожиданно и дико, что Буль в буквальном смысле остолбенел, он тупо таращился на черные фигуры и продолжал по инерции улыбаться... Нежданные гости не оценили приветливую улыбку: первый из запрыгнувших в окно, даже не поздоровавшись, как это принято в приличных домах, рывкнул:

– На пол, падла! РУОП!

А в следующее мгновение Вова получил по морде откинутым прикладом АКСУ, что окончательно убедило его в реальности ворвавшегося в его мирную бандитскую жизнь кошмара... Через минуту все находившиеся в хате братки уже лежали носами в грязный пол с руками на головах и с очень широко раздвинутыми ногами – исключение составлял Дятел, который не мог раздвинуть ноги из-за спущенных ниже колен джинсов. Его недавняя партнерша забилась в угол дивана и, судорожно пытаясь натянуть короткий свитер на бедра, с ужасом таращилась на громилу в маске, который внимательно осматривал ее голые ноги...

Освобожденные коммерсанты робко жались в углу коридора, жадно заглатывая спертый воздух, казавшийся им (после того как с голов были сняты полиэтиленовые пакеты) удивительно чистым и свежим. У одного из бизнесменов, совсем молодого еще парня, началась нервная икота, которую он безуспешно пытался подавить. Вадим Резаков, не теряя вре-

¹² Косяк, косячок – порция наркотика (жарг.).

мени даром, деловито упаковывал в картонные коробки изъятое оружие – автомат АКСУ, пистолет Макарова, две «тэтэшки» и старый браунинг...

Кудасов в сопровождении Максима Егунина неспешно прошелся по квартире, перешагивая через тела братков, задержался взглядом на коммерсантах и негромко сказал Максиму:

– С этими... Поработай как следует... В плане заявлений и всего остального.

– Хорошо, Никита Никитич, – кивнул Егунин.

– И еще – не забудь наркотов отправить на освидетельствование, пока у них кайф не выветрился.

Максим снова кивнул. Собственно говоря, ему можно было бы и не давать этих указаний – Егунин и сам прекрасно знал, что ему делать, потому что таких задержаний в практике 15-го отдела было очень много и они давно уже перестали быть сколь бы то ни было выдающимися событиями... Но Никита Никитич всякий раз, непосредственно присутствуя на реализации, напоминал своим подчиненным очевидные, казалось бы, вещи. Кудасов не боялся прослыть занудой, он очень хорошо знал, что сразу после задержания, в горячке, даже опытный опер может что-то забыть или упустить. Люди есть люди, супермены – они только в кино действуют...

Между тем штурмовая группа начала вытаскивать «обраслеченных» бандитов на лестничную площадку – там их построили «слоником» и, стимулируя ударами резиновых дубинок, погнали вниз. Как только кто-нибудь спотыкался, ему немедленно «выписывали» по хребту или по ногам...

Кудасов, выглянувший на площадку, пожевал губами и хмуро сказал омовцу в маске:

– Аккуратнее. Люди все-таки...

– Да какие это люди! – донесся из-под маски глухой голос.

Никита Никитич вступать в дискуссию не стал и вернулся в квартиру. В гостиной почему-то остался сидеть на полу Вова Буль – он ерзал на грязном паркете и затравленно смотрел на еле сдерживавшего смех Вадика Резакова. Кудасов удивленно приподнял брови:

– Вадим, а этот что? Ему что, персональное приглашение решили выдать?

– Нет... Он, Никита Никитич... Он не может. – Резаков не выдержал и все-таки рассмеялся. Кудасов перевел непонимающий взгляд на Буля, а из-за спины Никиты Никитича к братку шагнул Максим Егунин, наклонился было, но тут же резко выпрямился и сморщил нос:

– Ой, блядь... Да он же обоссался, Никита Никитич... Несет, как из параша! Куда же его такого?

Вова чуть не плакал, кусая губы. Он и сам не мог понять, как так случилось, что он, здоровый и сильный парень, нагонявший ужас на мирных граждан одним своим видом, обгадился, словно в детском саду... А ведь братва узнает – не простит такого позора. Кому нужен обоссавшийся перед мусорами? Никому не нужен...

– Да... – продолжал добивать Буля Резаков. – Как же тебя доставлять-то прикажешь, фартовый ты наш? В «жигуль» не засунешь, пешком не погонишь... Максим, ты не знаешь, как помоечную машину заказать?

– А может, его лучше в труповозке? – деловито спросил, включаясь в игру, Егунин.

– Дайте мне помыться... И переодеться... Пожалуйста, – сдавленным голосом просил Вова.

Кудасов посмотрел на Резакова и незаметно кивнул на коридор. Максим остался в гостиной с Булем. В коридоре Никита Никитич, улыбаясь одними глазами, шепотом сказал:

– Поработайте с этим красавцем... Есть чем отфиксировать?

Вадим кивнул.

– Это хорошо. Тогда запечатлейте это все, а потом дайте ему подмыться. Ты меня понял? Поработайте как следует...

– Нет вопросов, – засмеялся Резаков. – Сделаем все в лучшем виде. Куда он денется – с немытой жопой...

– Максим Александрович, – снова заглянул в гостиную Кудасов. – Продолжайте обыск, а я на базу. Там увидимся.

– Все будет о'кей, Никита Никитич...

Вова Буль проводил широкую спину Кудасова тоскливым взглядом и остался в гостинной наедине с двумя операми. Резаков отошел к окну и открыл форточку:

– Как твое погоняло, засранец? Буль, кажется? Теперь будет – Душистый. Чем плохо? Вова Душистый... По-моему, звучит. А, говнюк?..

Кудасов между тем дошел до прихожей и кивнул ожидавшему там водителю:

– Поехали, Леша... Видишь, сегодня быстро управились... Как раз как ты заказывал.

Начальник 15-го отдела улыбался, но Алексей – тонкий психолог, как и многие водители, – почувствовал, что настроение у шефа паршивое, совсем не такое, какое должно быть после удачной реализации... Леша Семенов успел хорошо изучить Кудасова: Никита Никитич вообще-то всегда производил впечатление человека несколько мрачноватого и угрюмого, сдержанного в эмоциях, но те, кто сталкивался с ним постоянно, начинали в конце концов замечать за внешней флегматичностью и лукавые огоньки в глазах, и улыбку в уголках губ... Но это когда настроение у Кудасова было хорошим или, по крайней, мере нормальным...

На базу ехали молча. Алексей старался особо не гнать, время от времени поглядывал на расстроенного шефа. Начальник 15-го отдела РУОП, в отличие от многих других милицейских руководителей, с шофером никогда не откровенничал и проблемами своими не делился. И спрашивать его было бесполезно – либо ответит какой-нибудь ничего не значащей фразой, либо вовсе отмолчится...

«Чудак-человек, – думал про себя Семенов, уверенно лавируя в потоке машин. – Все в себе носит, не хочет слабым показаться... Выговорился бы, отвел душу, сразу бы полегчало...»

Но Никита Никитич душу отводить не умел. Он считал, что руководитель не должен показывать свои проблемы подчиненным. У подчиненных своих забот хватает. А собственные неприятности Кудасов старался переживать молча и в одиночку. Он вообще не любил, чтобы кто-то видел его боль...

Никита Никитич мрачно смотрел в окно – даже замечательные виды аристократа Петербурга, совсем одряхлевшего ко времени «расцвета демократии», не снимали нервного напряжения. Кудасов готовился к очередному неприятному разговору в главке.

Два дня назад начальник 15-го отдела РУОПа узнал о том, что полковник Полетаев, заместитель начальника ГУВД, курировавший работу РУОПа, отдал распоряжение создать специальную комиссию. Комиссии этой было поручено разобраться с обстоятельствами, приведшими к «факту нарушения действующего законодательства», имевшему место в 15-м отделе. Дело заключалось в следующем. В самом конце сентября в РУОП обратился с заявлением некий мелкий бизнесмен, на которого наехали «пермские». Дело расписали в 15-й отдел, непосредственно занялся им как раз Максим Егунин. По закону на проверку заявления отводилось три дня, в особых ситуациях – десять. А вот если опера не укладывались и в этот срок, то необходима была уже письменная санкция руководства на продление... На самом-то деле сроки нарушались частенько – на день, два или даже три, но на это обычно закрывали глаза. Обычно... В этот раз все вышло по-другому.

Полковник Полетаев, вызвавший к себе Кудасова и Егунина, был подчеркнута официально и строг. Глядя на оперативников поверх золоченых очков, он неприятным голосом отчитывал их, словно мальчишек, не смущаясь даже тем, что офицерская традиция категорически не рекомендовала устраивать выволочку начальнику в присутствии его подчиненных:

– Так наплеватьски относиться к заявлениям граждан недопустимо! Сколько вы работали по заявлению Гришкова?

– Одиннадцать дней, товарищ полковник, – упавшим голосом ответил Максим.

– Одиннадцать! – потряс указательным пальцем Полетаев. – А положено сколько?

– Трое суток, в особых случаях – десять, – отпрапортовал Егунин.

– Ну! Так в чем же дело?! Почему вы Закон нарушаете? Вы что, считаете себя на особом положении, а?

– Никак нет, товарищ полковник... – попытался было ответить Максим, но Полетаев уже не обращал на него внимания, упершись глазами в непроницаемое лицо Кудасова:

– А вы, майор, куда смотрели?! Руководитель обязан нести ответственность за действия подчиненных, надеюсь, это вам объяснять не надо?

Никита Никитич кашлянул и после короткой паузы доложил:

– Товарищ полковник, заявление, о котором идет речь, не только рассмотрено. По материалам, подготовленным в ходе проверки, проведена реализация, позволившая привлечь к уголовной ответственности лиц, подозреваемых в совершении правонарушения, указанного в заявлении.

Кудасов давно уже выработал тактику, согласно которой при таких вот разборках с начальством переходил на сугубо казенный, протокольный язык. Иногда это действовало, но в данном случае заместитель начальника ГУВД остервенился еще больше:

– Что вы мне зубы заговариваете?! Вам кто дал право Закон нарушать! Опять своевольничаете?!

Никита Никитич чуть прищурил глаза и прежним ровным голосом попытался как бы продолжить:

– В целях конспирации...

Полетаев, услышав слово «конспирация», чуть из-за стола не выпрыгнул:

– Какая, к хуям собачьим, конспирация?! Нарушен Закон! Закон!!!

Внезапно полковник успокоился, словно враз утратил весь свой обличительный запал. Уронив взгляд на лежавшие перед ним бумаги, он сказал негромко, но веско:

– Короче говоря, материалы в отношении вас будут направлены в городскую прокуратуру. Мною принято решение о создании комиссии для проведения служебной проверки. Результаты работы комиссии будут вам доведены. Свободны.

Кудасов и Егунин молча вышли из кабинета. В коридоре Максим нервно закурил сигарету и недоуменно приподнял плечи:

– Бред какой-то... Если порыться, то заявлений с большими сроками проверок можно найти не одну сотню... Чего он к нам-то прицепился?

Кудасов нахмурился и вздохнул:

– Сотню, не сотню... Каждый отвечает за свое... Формально он прав. Так что ты, Макс, не эти заявления просроченные ищи, а думай, как самому в положенное время укладываться.

– Никита Никитич?! – У Егунина чуть не выпала из губ сигарета. – Вы же знаете, что раньше никак не уложиться было... Люди-то, с которыми по заявлению работать надо было, из города выезжали... И потом – Ващанов был в курсе, добро давал...

– Давал, – кивнул Кудасов. – Устное... Так что на других ссылаться не будем. Ничего, Максим, не переживай. Все перемелется – мука будет. Так?

– Так-то оно так, – вздохнул Егунин. – Да только...

– Ничего, – перебил его Кудасов. – Все образуется. Тут, возможно, более сложные расклады...

Егунин с удивлением посмотрел на шефа, но Никита Никитич развивать свою мысль не стал:

– Все, закрыли тему. Пойдем работать. У нас реализация по дятловской бригаде на носу, так что давай-ка делом займемся...

Что же касается первого заместителя начальника питерского РУОПа Геннадия Петровича Ващанова, упомянутого Максимом, то он отнесся ко всем проблемам, свалившимся на шефа 15-го отдела, с сочувствием и пониманием. Ващанов вызвал Кудасова к себе в кабинет и предложил чаю, что было знаком большого расположения.

– Ничего, Никита, ничего, – со вздохом сказал Геннадий Петрович, не тратя времени на предисловия и показывая, что он полностью «в теме». – Я в прокуратуре переговорю, чтоб там не особо жестко... Можешь на меня рассчитывать. Вот ведь дурь какая... Не переживай, помогу обязательно.

– Я не переживаю, – пожал плечами Кудасов. – Просто времени жалко... С этой проверкой столько всякой писанины будет – пока докажешь, что не верблюд. А работы – выше головы...

– Да-да, – закивал Ващанов. – У нас в России всегда так: кто больше работает, того больше и наказывают...

На следующий день Кудасов и Егунина дернули к председателю комиссии по служебной проверке подполковнику Щеглову. Подполковник долго и нудно выяснял обстоятельства нарушения сроков и вымотал операм все нервы. Днем позже планировалась реализация по бригаде Саши Дятла, но и это обстоятельство работу комиссии не затормозило – Кудасов и Егунин вновь должны были явиться к Щеглову...

Вот поэтому и ехал Никита Никитич в главк мрачный – несмотря даже на удачно проведенное задержание.

– Никита Никитич, – вывел Кудасова из глубокой задумчивости голос Семенова. – Можно я курну в форточку?

– Кури на здоровье, – махнул рукой Кудасов, бросивший курить еще лет пять назад. – Травись, если охота...

– А вот я считаю, – сказал Алексей, довольно пыхнув сигаретой, – что в наше время курево не так вредно, как все остальное, что нас окружает... Жизнь – сплошные нервы, сплошной стресс. Все это по здоровью бьет гораздо сильнее, потому что болезни – они от головы идут. Я такую передачу по телевизору видел – там один академик все очень подробно объяснил, насчет нервов... Так что сигаретка или рюмка, они даже помочь могут, потому что расслабляешься, релаксируешь...

– Да-да, – рассеянно ответил Кудасов. – Конечно...

Алексей еще раз глянул на своего шефа и замолчал, поняв, что Никите Никитичу хреново настолько, что уж лучше не лезть к нему сейчас с разговорами.

Кудасов устало прикрыл чуть воспаленные глаза и откинул голову на подголовник кресла. Все-таки странная какая-то история с заявлением этого Гришковца получилась... Почему Полетаев именно на него обратил внимание? Среди сотен других? Максим правду говорил, что если порыться, то нарыть можно было бы такого – полный караул... Потому, кстати говоря, никто особенно никогда и не рыл – и вот на тебе...

Надо сказать, что как раз в 15-м отделе сроки нарушались редко – Кудасов внимательно следил за всеми делами. И в случае с заявлением Гришковца все ведь нормально было, действительно имелась договоренность с Ващановым – доложить рапортом на предмет получения письменного разрешения на продление срока... Как на грех, Ващанов прихворнул на другой день, а тут кто-то Полетаеву наступал. Вот и понеслось.

«Ничего, – попытался сам себя мысленно успокоить Кудасов. – В другой раз наука будет. Если будет, конечно, другой раз».

На самом деле в глубине души Никита Никитич не верил в случайность истории с сроченной проверкой. В сентябре отдел Кудасова запустил несколько многоходовых опера-

тивных комбинаций, в результате которых были задержаны, а вскоре и арестованы не только быки низшего и среднего звена, но и два человека из непосредственного окружения самого Антибиотика – Ильдар и Муха...

Много воды утекло с тех пор, когда молодой лейтенант Никита Кудасов впервые услышал кличку Антибиотик от честного русского мента Алексея Кольцова – пусть земля ему будет пухом... И мало было в Петербурге людей, которые бы знали о Викторе Палыче столько, сколько знал майор Кудасов. Старик почти никогда и ничего не делал своими руками, и его было не прихватить, но Никита Никитич очень хорошо представлял себе «оперативные возможности» Антибиотика. Знал он и то, какой чувствительной потерей стал для Палыча арест Мухи. Ильдар, конечно, тоже фигура серьезная, но Муха все-таки поумнее, поголовастее, у него дипломатических способностей больше, он перспективу дальше и шире видит, может и в автономном режиме «работать». А Ильдар – он просто очень хороший исполнитель, им все время руководить надо... И вот что интересно – сразу после ареста Мухи начал Кудасов кожей ощущать некое давление, будто кто-то невидимый все время норовил ему палки в колеса сунуть. Какие тут совпадения... С Вацановым опять же – темная какая-то тема получается...

– Никита Никитич, вы обедали?

– А? – Кудасов открыл глаза и повернул голову к Алексею. – Нет, не получилось, закрутился чего-то...

– Ну, тогда мой бублик в самый раз пойдет. Держите.

Семенов, продолжая левой рукой управлять машиной, правой залез в полиэтиленовый пакет, лежавший на полочке под «бардачком», извлек из него румяный бублик, разломил его об колено на две половинки – одну оставил себе, а вторую протянул шефу.

– Спасибо, – улыбнулся Кудасов. – Действительно, в самый раз...

Медленно (чтобы продлить удовольствие) жуя мягкий бублик, Никита Никитич вновь окунулся в недавнее прошлое...

Антибиотика Кудасов разрабатывал уже очень давно, но работа продвигалась крайне медленно, потому что старик был дьявольски хитер, осторожен и обладал умопомрачительными связями в самых разных ветвях власти... Чтобы всерьез зацепить Палыча, к нему нужен был подход. Как воздух требовался человек из ближайшего окружения Говорова...

В апреле 1993 года забрезжила надежда, что такой человек может реально появиться, – на оперуполномоченного 15-го отдела Степана Маркова вышел бывший старший следователь по особо важным делам Сергей Челищев, который, уйдя в 1992 году из прокуратуры при довольно странных обстоятельствах, прибилсь вскоре к «империи» Антибиотика, сделал там головокружительную «карьеру» и стал известен в бандитских кругах города под кличкой Адвокат... Точнее – Черный Адвокат, потому что был еще и Белый Адвокат – Олег Званцев, давний приближенный Палыча и друг детства Челищева.

Однако прочный контакт с Сергеем Челищевым установить не удалось. В том же апреле сотрудники ОРБ Степан Марков и Григорий Данилевский погибли при задержании мошенницы Марины Ариповой, возглавлявшей «пирамидальную» фирму с нежным названием «Кипарис». Мутная тогда история случилась – при обычном, в общем-то, задержании погибли два офицера ОРБ, сама Арипова и двое каких-то неустановленных бандитов. Из всех участников той драмы в живых остался только руководитель и инициатор задержания Валерий Чернов – заместитель начальника 17-го отдела ОРБ... Кстати, сам Чернов тоже ненадолго пережил Маркова и Данилевского, – меньше чем через месяц его труп был найден во дворе недостроенного дома в Озерках. Судя по всему, пьяный Чернов вывалился в окно одного из верхних этажей дома...

А Челищев после смерти Маркова попытался уйти в бега вместе со своим другом Званцевым и его бывшей женой Екатериной. Да только ничего из этого не получилось – и Зван-

цев, и Челищев были убиты в июне 1993 года на одном хуторке под Лугой... Убийства эти, кстати говоря, так и зависли глухарями...

Ответы на некоторые вопросы, не дававшие Никите Кудасову покоя, удалось получить только в сентябре девяносто третьего, когда у начальника отдела состоялся доверительный и весьма долгий разговор с Андреем Обнорским – заведующим криминальным отделом крупной городской газеты, больше известным читателям под псевдонимом Серегин. С Обнорским Кудасов пересекся впервые еще в девяносто втором году. И не просто пересекся, а фактически спас парня от верной смерти... Но по ряду причин Серегин на доверительный разговор пошел далеко не сразу. Лишь в сентябре 1993 года Обнорский рассказал в подробностях, как он, сам того не желая, оказался втянутым в одну серьезную историю, касавшуюся, судя по всему, и самого Антибиотика, и некоторых людей из его ближайшего окружения. А еще Обнорский передал Кудасову обширное досье на «империю» Палыча. Досье это состояло из двух частей, первая была составлена самим журналистом, а вторая Сергеем Челищевым. Дело в том, что Челищев и Обнорский были когда-то приятелями, они даже вместе выступали за университетскую сборную по дзюдо, правда, жизнь потом надолго развела их и свела вновь лишь перед самой гибелью Черного Адвоката... Серегин передал Кудасову это досье при одном условии, – журналист хотел непосредственно участвовать в дальнейшей разработке Антибиотика, к которому имел большой личный счет.

Принять-то это условие Кудасов принял (его чрезвычайно интересовало все, что содержалось в досье), но в глубине души несколько тяготился данным обещанием (хоть и было оно весьма расплывчатым и неконкретным). Шеф 15-го отдела считал активное задействование гражданского человека в практической разработке задачей опасной, нецелесообразной и даже вредной для дела... Тем не менее Кудасов решил – пусть уж Андрей где-то рядом будет, в одиночку-то он таких дров наломать может, что сам под ними навечно успокоится... Кудасов собирался создать для Серегина иллюзию его активного участия в разработке Палыча – в первую очередь для блага самого же журналиста, который, как казалось Никите Никитичу, не совсем понимал, куда, собственно говоря, суется...

В досье Обнорского – Челищева Кудасов нашел очень много интересного, но... К сожалению, почти все, что там было, не имело доказательной силы. На момент ознакомления Кудасова с материалами, собранными Челищевым, очень многие фигуранты были уже мертвы. Мертвы были и двое из трех так называемых свидетелей Челищева: в досье находились три магнитофонные кассеты с исповедями депутата Петросовета Глазанова, утонувшего по пьяному делу в феврале 1993 года в пруду около завода «Полюстрово» на Ох-те, Валерия Чернова – выпавшего опять-таки по пьянке из окна дома в Озерках, и бывшей секретарши прокурора города Юлии Ворониной – последняя числилась не в реестре покойников, а в списках пропавших без вести, но Никита Никитич полагал, что и третий свидетель скорее мертв, чем жив.

Так что материалы досье для Кудасова представляли ценность не практическую, а, если так можно выразиться, – общепознавательную... Обнорский, похоже, не очень это понимал и потому ждал от шефа пятнадцатого отдела каких-то немедленных действий, а Никите Никитичу – опять-таки по целому ряду причин – было довольно сложно растолковать журналисту все оперские и процессуальные нюансы.

Кстати – о нюансах... Отдавая Кудасову досье Челищева и свои материалы, Серегин упомянул и о том, что Черный Адвокат оставил один экземпляр досье в 354-м отделении связи Выборгского района. Этот экземпляр предназначался представителю Генеральной прокуратуры, куда Челищев посылал письмо... Обнорский предложил Кудасову выяснить судьбу этого экземпляра, и Никита Никитич согласился. Вместе с журналистом они подъехали в 354-е отделение и там узнали, что в начале июня 1993 года некий человек действи-

тельно оставлял пакет в абонентском ящике номер 27, но пакет этот забрали буквально через несколько дней после того, как он был положен на хранение.

Кудасов, естественно, поинтересовался у вскрывавшей абонентский ящик заведующей, кто же именно забирал пакет. Заведующая округлила глаза и пожала плечами:

– Так ваш же начальник и забирал... Из ОРБ... Как же его... Ващанин, по-моему...

– Ващанов? – быстро переспросил Обнорский (он, в отличие от Никиты Никитича, почтовой служащей не представлялся, но она, видимо, решила, что он тоже из РУОПа).

– Да, точно, – обрадованно кивнула заведующая, – Ващанов... А в чем, собственно говоря, дело?

– Ни в чем, – обаятельно улыбнулся ей Кудасов. – Недоразумение вышло, маленькая накладка... У нас это тоже иногда случается... Вы уж извините, что мы вас побеспокоили...

– Ну что? – возбужденно накинулся Обнорский на Никиту Никитича, когда они вышли на улицу. – Я же говорил! Этот ваш Ващанов – очень темная фигура, я это еще по той истории с «Эгиной» понял. От него ниточки шли. И к нему тоже...

– Какие ниточки? – хмуро спросил Кудасов. – У тебя же ничего конкретного нет, одни предположения... Ты все время стараешься заменить информацию интуицией.

– Интуицией?! – чуть не задохнулся от возмущения Андрей. – А кто меня на Барона вывел? А почему Колбасов на Женькин труп тогда так быстро прискакал? И почему эти двое – Колбасов с Ващановым – тогда в Сосново оказались, когда Шварца с Ириной Васильевной убили? Не многовато ли совпадений? А теперь еще выясняется, что Серегино досье – тоже Ващанов забрал... И ни слуху ни духу о нем... Это что тебе, не факты?

– Факты, факты, – успокаивающе выставил вперед правую ладонь Никита Никитич. – Только это такие факты, которые никуда не пришьешь. И трактовать их можно по-разному... И в плюс, и в минус...

– В плюс? – Серегин саркастически хмыкнул, достал из кармана «натовской» куртки пачку «Кэмела» и закурил. – А вот объясни тогда мне, дураку... Ты руководишь, как известно, пятнадцатым отделом. Отдел запрофилирован на разработку лидеров преступных сообществ. Так?

– Ну, так... Дальше что?

– Дальше? – Андрей глубоко затянулся и посмотрел Кудасову в глаза. – Дальше – если по логике, конечно, – это досье Ващанов должен был передать именно тебе, потому что больше всего информации там как раз об Антибиотике... А если Палыч не лидер оргпреступности, то я тогда – святой Варфоломей. Ты же сам читал Серегино досье – там же все по твоей епархии...

Никита Никитич сердито помахал рукой, отгоняя синеватый сигаретный дым от лица. Логика в словах Обнорского, безусловно, была. Но...

– Ващанов, чтоб ты знал, – мой начальник, – ответил наконец Кудасов. – И ничего он мне докладывать не обязан. В том числе и мотивацию каких-то своих решений... Откуда я знаю – может, он кому-то еще этот пакет передал из наших? Или в Комитет слил? Или в Москву? Вариантов – тьма, на мне свет, между прочим, клином не сошелся... У нас один отдел не знает, что конкретно делает другой, – и это, кстати, абсолютно правильно! И так информация течет из всех щелей... А по такой логике, как у тебя, можно на кого хочешь что угодно навесить... Я удивляюсь тебе, Андрей, ты же журналист! Твои же коллеги все перья пообломали, расписывая «сталинские методы» следствия и ментовский беспредел! А тебя послушать...

– Ты просто честь мундира защищаешь, – угрюмо перебил его Обнорский. – Как же... В ОРБ предателей быть не может... Тем более в руководстве.

– Ну знаешь! – Теперь уже от негодования чуть не задохнулся Никита Никитич. – Я защищаю не честь мундира! Я защищаю тебя самого от скоропалительных выводов и под-

гонки фактов под то, что хочется увидеть... Согласно интуиции... Вспомни-ка, когда тебя самого на допрос к Пospelовой дернули – как ты прореагировал? А ведь тогда у оперативников были достаточные основания полагать, что ты как-то причастен к смерти Лебедевой... Что – не так? Ты же сам всегда возмущался «двойным стандартом»!

Обнорский вздохнул и затоптал брошенный на асфальт окурок. С Никитой спорить было трудно: действительно, железных фактов в отношении Ващанова было, мягко говоря, маловато... И что толку с того, что интуиция Андрея подводила редко? Для Кудасова это не аргумент...

– Кстати, – добавил Никита Никитич. – Лида Пospelова спрашивала тут про тебя недавно, когда у нас в отделе была... Я понимаю, что у тебя могло создаться о ней не самое приятное впечатление, но она на самом деле – настоящий профессионал и очень порядочный человек. Поговаривают, что ее собираются на повышение выдвигать... Ты бы побеседовал с ней, нашел бы общий язык, она бы могла много интересного тебе рассказать – в плане следственной практики... Я бы мог тебе в этом даже кое-какую протекцию составить.

Серегин как-то странно усмехнулся и искоса посмотрел на Кудасова – не таят ли его слова о Пospelовой подвоха. Но Никита Никитич говорил абсолютно серьезно и искренне: откуда ему было знать, что отношения Андрея и Лиды продвинулись в свое время гораздо дальше обычных процессуальных...

Обнорский об этом никому не рассказывал, а Лида Пospelова, видимо, тоже не особо стремилась рекламировать всю глубину своего знакомства с журналистом Серегиным... Тем более что отношения их закончились не на самой радостной ноте.

Обнорский кашлянул и, пряча глаза, глухо спросил:

– Какую протекцию ты можешь составить?

Кудасов улыбнулся:

– Вадика Резакова из моего отдела знаешь?

– Ну...

– Так вот, у него вроде с Лидой кое-что наметилось в личном плане... Они скрывать пытаются, но я-то вижу...

– Вот как? – Обнорский достал новую сигарету. – Ну что же – совет им да любовь, как говорится... Не стоит, пожалуй, в такой ситуации время у девушки отнимать. Если она настоящий профессионал, то у нее и так каждый свободный часок на счету. Давай лучше к нашим баранам вернемся... Или ты специально меня Пospelовой спихнуть хочешь, чтобы от Антибиотика подальше отвести? Уговор-то наш еще в силе?

– В силе, в силе, – вяло откликнулся Кудасов. – Побереги нервы, Андрей, у тебя настоящая мания подозрительности начинается...

В тот день, когда они побывали в 354-м отделении связи, между журналистом и шефом 15-го отдела словно черная кошка шмыгнула – точнее, даже не кошка, а котенок. Маленький такой, абсолютно неприметный. И тем не менее некий осадок остался, какое-то не очень приятное послевкусие... Кстати говоря, в глубине души Кудасов-то ведь и сам недолюбливал Геннадия Петровича Ващанова, но считал себя не в праве руководствоваться в серьезных делах личными симпатиями и антипатиями. Несколько угнетало Никиту Никитича и то, что ему и в самом деле приходилось быть не совсем искренним с Обнорским. Но не втягивать же парня, на самом деле, в реальную разработку Антибиотика?..

...Кудасов с сожалением доел свою половинку бублика, стряхнул крошки с кожаной куртки, вздохнул и подумал о том, что разводить Андрея будет тяжело... Во-первых, душа к этому не лежит, а во-вторых, интуиция у парня и впрямь необычная... Какое-то время шефу 15-го отдела удавалось уклоняться от встреч с журналистом, ссылаясь на грянувшие в начале октября девяносто третьего кровавые события в Москве, – дескать, обстановка осложнилась, всех «на казарму» перевели... Но события-то в конце концов закончились, а в Питере и вовсе

ничего особенного не было... Никита Никитич снова вздохнул и попытался внутренне подготовиться к неприятной беседе с подполковником Щегловым...

Машина уже поворачивала с Литейного на Каляева, где располагалась служебная стоянка автомобилей ГУВД.

Кудасов, наверное, не слишком бы удивился, если бы узнал, какой разговор состоялся за неделю до начала раскрутки темы с заявлением Гришковца в одной симпатичной русской баньке под Репином. Баня и впрямь была великолепной, да и то сказать – люди, парившиеся в ней, все же не у станков работали и не за учительскими столами штаны протирали. В этой баньке парился сам Виктор Палыч Говоров, а компанию ему на тот раз составлял некто Иваныч – один из самых влиятельных людей в бандитском мире Питера, кстати говоря... Только знали это немногие, Иваныч афишировать себя не любил, братвой управлял из-за кулис, а на людях предпочитал появляться в кепке, козырек которой всегда закрывал половину его лица... Простая братва его зачастую и вовсе не знала: задержит РУОП, бывало, каких-нибудь быков, они на допросах про бригадиров своих много чего расскажут, а про Иваныча молчат – не знают такого... Иногда лишь кто-то вспомнит мелькнувшего где-то на каком-то сходняке «мужика в кепке».

Повод для большого разговора с Иванычем у Антибиотика был самый серьезный, однако собеседники к основной теме переходить не спешили – баня, она, как известно, суеты не терпит. Русская баня – это прежде всего ритуал, и Виктор Палыч был одним из самых ревностных его блюстителей. Антибиотик любил и просто попариться от души, и разговор серьезный в бане составить. Виктор Палыч был тонким психологом – в парной человек голеный, не прикрытый ничем, незащищенный. Голому, с одной стороны, врать тяжелее, а с другой – его тянет на откровенность с другим голым. Да и мысли в бане иной раз неожиданные приходят – видать, температура способствует и влажность, мозги нестандартно начинают работать...

– О-хо-хо, грехи наши тяжкие, – закричал Антибиотик, залезая на полоч. – Хорошо-то как, Господи! Все-таки лучше нашей русской бани ничего нет. Это сейчас мода пошла на всякие сауны... А ведь вся сила-то – в пару. Парок, он исключительно хорошо на нервы влияет... А эту сауну чухня придумала – от скудости ума своего и жадности. Сауна, она что – быстро нагревается и быстро остывает... А нашу баню долго топить надо, и с умом опять же – дровишки чередовать, пар выдерживать. Наша русская баня – это дело серьезное, а сауны эти – туда только блядей таскать хорошо...

Иваныч еле заметно улыбнулся и, прищурившись, заметил:

– Оно конечно, вам виднее, Палыч, но только я помню, что и у нас в деревнях детишек в банях раньше делали...

– Ну, так! – Антибиотик даже приподнялся, опершись на локоть. – Одно дело – блядство, другое дело – дитя зачать. Тут чистота нужна и душевный покой... Нет, русский народ не дурак, если пар как воздух нужен...

Иваныч спорить не стал, наклонил согласно покрытую войлочной шапочкой голову:

– А вы, Палыч, толк в парку знаете... – Он расправил широкие плечи и повел носом. – Добавляете что-то в парок? Уж больно духмяный.

– А это эвкалипт, – разулыбался Антибиотик. – Для бронхов очень хорошо. Мои-то бронхи застужены еще с Воркуты. Осталась, понимаешь, память от «хозяина»...

Иваныч сочувственно цокнул языком и покачал головой:

– Сколько годков прошло, а все не отпускает?

– Э-эх, – махнул рукой Виктор Палыч. – Молодой был, глупый, не понимал ничего. Да и время другое было... Ладно, что прошлое ворошить, жить настоящим нужно. И буду-

щим. Сейчас-то жизнь ведь только начинается. Грех нынешнее времечко упускать, потому как золотое оно... Не для всех, конечно, для тех, кто живет с понятием и разумением.

– Верно, Палыч, – крикнул Иваныч, замачивая венички в тазу. – Не зря же люди говорят, что делу время, а потехе – час.

– Добро бы все это понимали, – вздохнул Антибиотик. – Времени-то мало, а сделать много надо... Смену готовить нужно. Чтоб не зря, значит, время-то прожито было...

– Со сменой проблема, – почесал красную распаренную грудь Иваныч. – Никто работать не хочет, все норовят сразу в дамки прыгнуть... Все ж таки нагловатая нынче молодежь пошла – сплошная борзость! Мы такими не были...

– Так ведь кто нагличает? – пожал плечами Виктор Палыч. – Только те, кому жизнь еще рога не накрутила... Непуганый, он хуже дебильного.

Младший компаньон Антибиотика вдруг усмехнулся и, непроизвольно понизив голос, сказал с каким-то оттенком злорадства:

– Из златоглавой весточка пришла – опять ОРБ увеличивать будут, вот они-то рога и накрутят.

Антибиотик перевернулся на спину и закинул руки за голову:

– Эти-то? Эти могут. Но ведь ежели с умом к теме подойти, то и с ними договориться можно. И даже с пользой для дела...

– Это как же?

– А так. – Виктор Палыч растер испарину на животе, сжал пальцы в кулак. – По телевизору, по радио все уши прожужжали уже – «организованная преступность, организованная преступность»... Хуюпность! У меня человек есть в этом самом ОРБ – за пайку мусорскую лямку тянет, я ему говорю: дай ребятам заработать, мы мешать не будем. Ну, раз государство на них жмотится... Все ведь люди, а людям положено договариваться. Мы разных барыг охраняли – ну и вы охраняйте. Пожалуйста. Препятствовать не будем. Это ж даже полезно – меньше злости у мусорков будет. Самый злой ведь кто? Бедный и голодный. Такой только и думает, какую бы подлянку сытому и богатому учинить... Мы крыши даем – пусть и ОРБ крыши дает. Все по-честному, все по понятиям... Их, главное, в это дело втянуть, а там так понравится – за уши не оттащишь. Погоди, они нам еще с этого в общак состегивать начнут...

Иваныч не выдержал и фыркнул – трудно было ему представить оэрбэшников, отстегивающих деньги в бандитские общаки.

– Смейся, смейся, – добродушно махнул на него рукой Антибиотик. – Потом вспомнишь, что старик говорил. Никуда они не денутся, а работа – ее на всех хватит... Их через экономику брать надо, люди во вкус должны войти. А то, понимаешь, сделали из этого ОРБ какое-то пугало... Бронемашинами вооружают, пулеметами. Скоро на танках по городам ездить начнут! А с другой стороны – пусть поиграются. Вреда в этом нет. Опять же – населению спокойнее, преступности война объявлена, люди при деле, депутатам есть о чем попиздаболить... Главное, чтобы эти уроды оэрбэшные финансы не трогали... А если даже кого из пацанов и направят землю потоптать – так и это к лучшему, пацаны потом больше порядок уважать начнут...

– Это верно, – согласился Иваныч. – Пусть хоть пушками вооружаются, лишь бы мурла свои не совали, куда не надо.

Виктор Палыч вдруг резко сел, свесив ноги с полка, глаза его возбужденно заблестели – так бывало всякий раз, когда он начинал строить какие-нибудь грандиозные планы. И ведь что интересно, какими бы они ни казались на первый взгляд невероятными, а сбывались, воплощались в жизнь стратегические проекты старика, у которого, кстати говоря, не было даже законченного среднего образования – одни только «воровские университеты».

– Я ведь что думаю – главное, семя бросить... Можно и кое-кому из барыг идейки насчет крыш оэрбэшных подкинуть... А там... Крыши эти, конечно, в коллектив не возмешь, но сотрудничать можно будет. Каждый будет свою функцию выполнять. Зато прикинь, какая экономия может получиться! ОРБ ведь содержать будет дешевле, чем братву. Скажем, долги снять с барыги – братва за пятьдесят процентов работает, а ежели мусора за тридцать подряжаться станут, вот тебе и двадцать процентов чистой прибыли! И дело они чище сделают... А? Крыши-то ментовские и так уже в городе появляются – сами по себе, дикие пока еще... А чего с ними срать-то? Их, наоборот, объединять нужно. Фонд какой-нибудь мусорской создать... А?

Антибиотик поскреб в затылке и сам себе кивнул:

– Это мысля, насчет фонда... И человек у меня на примете есть, мусоренок один. В годах уже, перебесившийся... Слышал, может, Лапкин такой, Евгений Иванович?

– Который нашу следачку Любу дерет? – сощурил глаз Иванович, демонстрируя свою осведомленность.

Виктор Палыч поджал губы – не любил он, когда кто-то знал о его людях больше, чем это было необходимо.

– Насчет «дерет» не знаю. Думаю, что вряд ли... Но дело он делает, парнишка толковый. Надо бы поддержать его и насчет фонда поговорить.

– Поддержим. – Иванович вынул из таза веники и встряхнул их. – Давайте-ка, Палыч, я по вам пройдуся немного. В самый раз сейчас будет...

– И то правда, – согласился Антибиотик и растянулся на полке лицом вниз. – Побалуй меня, старика...

Иваныч работал веником виртуозно – светлая кожа Виктора Палыча вскоре раскалилась чуть ли не до малинового оттенка. Когда Антибиотик сделал наконец жест, означавший «хватит», – «банщик» и сам уже еле стоял на ногах.

Передохнуть они вышли в светлый предбанничек, размеры которого превышали офис средней руки коммерсанта. Виктор Палыч подвел компаньона к столу, ломящемуся от яств, но себя потешил скромно – только вяленой рыбкой. Иваныч вообще ничего есть не стал, налегал лишь на запотевшие зеленые бутылки с «боржоми». Антибиотик запил рыбку двумя глоточками ледяного чешского «Урквела» (которого в Питере, кстати, давным-давно уже не водилось в магазинах), отставил от себя кружку и вытер руки о простыню, обмотанную вокруг бедер:

– Ладно, хорошенького понемножку. Пора и о проблемах поговорить. Муха с Ильдаром, как ты знаешь, в «Крестах» отдыхают...

Иваныч молча кивнул, и Виктор Палыч продолжил:

– Вызволить ребят надо... Хватит им икру жрать да контролерш «крестовских» пялить – работать надо, людей нет... Короче, пацаны мне позарез нужны, особенно Муха.

Иваныч снова кивнул, но лицо его при этом особого энтузиазма не выражало.

– Понял вас, Палыч. Я переговорю с нашими мусорками...

Иваныч старался в разговорах с Антибиотиком как можно реже употреблять личные притяжательные местоимения «мое» или «мои», заменяя их на «наше» или «наши». Тем самым он как бы подчеркивал, что жизнь и «работу» свою видит только под мудрым руководством старика... Виктор Палыч очень чутко улавливал любые нюансы в интонации собеседника, уловил он и сейчас легкую досаду и неуверенность в последней фразе своего «коллеги»:

– Что такое, чего скис? Непонятки есть какие-то?

Иваныч пожал плечами и с неохотой пояснил:

– Муху-то с Ильдаром пятнадцатый отдел оприходовал. Там такой Никитка Кудасов трудится начальником...

– Слыхал, – спокойно кивнул Антибиотик. – И что с того?

– Через их отдел тяжело вопросы решать, – угрюмо ответил наконец Иваныч после некоторой паузы, а про себя добавил: «Потому как пока они нам долю в общак не отстегивают». Вслух он этого говорить, конечно, не стал – Палыч очень не любил, когда кто-то над его идеями и планами подшучивал. С такими шутниками могли потом разные беды приключиться.

– Так, дорогой ты мой, был бы вопрос легким – стали бы мы его с тобой перетирать? Никитка этот давно мне поперек горла, с ним нужно что-то решать...

Иваныч поднял голову, чуть дернул правой бровью:

– Может, того... Может, капитально проблему решить?

Виктор Палыч долго ничего не отвечал, прикрыв глаза чуть подрагивающими веками. Со стороны могло даже показаться, что старик уснул. Но Иваныч знал, что это не так... Наконец Антибиотик открыл холодно блеснувшие глаза и раздраженно мотнул головой:

– Нет, пустое это.хлопотами большими обернется...

– Раньше говорили: «Есть человек – есть проблема, нет человека – и проблема ушла», – тихонько попытался отстоять свое предложение Иваныч, но старик после этой фразы насупился еще больше:

– Оно так-то так, да не всегда... Бывает, что человека нет, а проблемы остаются, да к ним еще и новые прибавляются. Этих мусорков оэрбэшных трогать напрямую нельзя – беспредел может начаться... Про «Белую стрелу» слышал?

Иваныч, конечно, о «Белой стреле» слышал. Об этой тайной организации, якобы созданной ментами и комитетчиками для физического устранения уголовных авторитетов и коррумпированных чиновников, тогда ходило много слухов в бандитских и милицейских кругах. И слухи эти были один страшнее другого.

Когда Антибиотик упомянул «Белую стрелу», Иваныч скривился, показывая, что не очень-то верит всем этим страшилкам, но старик помахал перед его носом указательным пальцем:

– Знаю-знаю, сам этим базарам не доверяю... А все-таки плохо, когда такие сплетни появляются. Дыма без огня не бывает, мусора про что сплетничают? Про то, во что верить хотят... В Писании сказано: «Сначала было слово». А от слова и до дела недалеко... Так зачем же их к этому делу подталкивать-то? Ведь ежели мусорков валить начнут, так они и впрямь какой-нибудь «эскадрон смерти» учредят...

Антибиотик пожевал губами и задумался. Однажды мысль о физическом устранении Никиты Кудасова уже приходила ему в голову. Хорошо, он тогда эту тему с Черепом обмял, который его личной «контрразведкой» командовал. Так вот. Череп через несколько дней любопытную информацию старику сообщил: дескать, существует вероятность, что в случае ликвидации Кудасова немедленно будут уничтожены без суда и следствия некоторые весьма серьезные люди – с самим Виктором Палычем в первую очередь... Проверить достоверность этой информации можно было только одним способом, но Антибиотику рисковать не хотелось, да и Черепу он доверял почти безгранично. Почти – потому что безгранично старик не доверял вообще никому. А Никитка этот – он фанатик, а от фанатиков любой пакости ждать можно. Плохо то, что он фанатик умный и грамотный... Эти свои мысли Антибиотик высказывать Иванычу, естественно, не стал – не стоит лишний раз страхи разжигать, мало ли, как оно потом все обернется. Может, и впрямь такой момент наступит, когда придется кардинально что-то решать... Виктор Палыч жестко посмотрел в глаза своему визави:

– Для стрельбы много ума не надо... Мочиловом заниматься те любят, кто по-другому ничего не умеют.

Иваныч чуть минералкой не поперхнулся – уж кто бы говорил-то! За Палычем жмуров столько, что на целое кладбище хватило бы... Один Иваныч знал столько по воле Антибио-

тика навечно упокоившихся, что порой сам пугался своего знания, гадал, не подошел ли он уже к той критической черте, когда многие знания превращаются во многие печали, а потом и в глубокую скорбь близких и родственников по новому покойнику – тому, кто знал слишком много... Виктор Палыч между тем продолжал:

– А Никитку этого неумного надо по-другому приструнить... Так, чтобы он сто раз пожалел. Чтоб думал в другой раз, на кого руку поднимать... Надо ему кучерявую жизнь устроить, адвокатов грамотных на него натравить, прессу... Мусорков наших правильно сориентировать надо. Не железный же он? И не таким зубы обламывали... Уяснил задачу-то?

– Уяснил, – кивнул Иваныч и, кашлянув, добавил: – Завтра же с утречка возьмусь...

– Посуетись, дорогой, посуетись... Работать совсем некому. Муха мне позарез нужен – время упускать никак нельзя. Много работы, очень много вкусной работы. А к новому человеку пока присмотришься, пока в курс дела введешь...

Собеседники помолчали немного, у обоих вдруг совсем испортилось настроение – несмотря на прекрасный эвкалиптовый пар и богато накрытый стол... Мысли Антибиотика упорно возвращались к начальнику 15-го отдела РУОПа. Виктор Палыч вдруг усмехнулся и спросил:

– Знаешь, как пацаны наши этого Никитку зовут?

– Как? – поднял голову Иваныч.

– Танком безбашенным. «Тридцать четверкой»...

Иваныч хмыкнул и почесал лысину:

– А свои его по-другому кличут.

– Это как же?

– Директором.

– Надо же... Директор... – Антибиотик покрутил головой, улыбнулся своей страшной змеиной улыбочкой. – Дурное погоняло... Директор – должность непостоянная, директоров назначают и снимают... Ишь ты. Директор... Тут недавно Джон откинулся, базарил, что этот Кудасов его допрашивал... Всю душу, говорит, вымотал. А Джон – пацан правильный, крепкий.

– Палыч, все о'кей будет...

– Дай-то Бог. – Виктор Палыч вздохнул и, помолчав, добавил: – Все-таки правильно делает Фима Охтинский, что мусоров приручает, работу им потихоньку дает... Я знаю, вы его не любите, вподляк вам, что он с цветными¹³ все время трется... А ведь по большому счету он прав – сам посмотри: у Фимы в его районе, в Красной Гвардии, – проблем никаких и пацанам его спокойно, охранное предприятие открыли... Мне люди базланили – в Калининском и Красногвардейском все блядские хаты мусорками содержатся. А кто в свое время бабки дал на их развитие? Фима! Сейчас прибыль снимает. Серьезный подход, хозяйский. Нечего с мусорами порожняк гонять, надо к делу их, к делу... Все пить и кушать хотят, а человек, который в деле вертится, не будет же он сам это дело душить? Не будет...

– А вы стратег, Палыч, – улыбнулся Иваныч. – Кутузов просто.

На лезть Виктор Палыч был слаб – знал за собой этот недостаток, а все равно приятно доброе слово услышать. Вот и сейчас, после грубоватого сравнения с великим полководцем, старик раздумялся еще больше.

– Нужно уметь к новым условиям приноравливаться... Кстати, скоро ж главный мусорской праздничек подойдет. День милиции. Не забудь нашим подарки подготовить – ну там коньячку, колбаски, сигареток... Так, мол, и так – на вашем нелегком посту заслужили недолгие минуты отдыха в деле служения Отчизне и Закону...

Антибиотик вдруг рассмеялся:

¹³ Цветной – работник правоохранительных органов (жарг.).

– Как все-таки жизнь меняется! Расскажи про такое кто-нибудь в Воркуте, когда я там чалился, – разорвали бы, как суку... А теперь дипломатами нужно быть, гибкость вырабатывать... Ладно, пойдем-ка, дружок, еще разок душу парком потешим. Глядишь – и в голове просветлеет, мысли черные уйдут...

Пока в парной Иваныч снова охаживал бока Антибиотика веничком, старик, блаженно жмурясь, не переставал думать о Кудасове. И под эвкалиптовый парок, помогающий застуженным бронхам, пришла Виктору Палычу одна мысль – не самая гениальная, но, во всяком случае, дельная. Решил он поручить Черепу, чтобы тот, насколько возможно глубоко, в прошлом Никиткином покопался. Старик даже крикнул досадливо оттого, что столь простая мысль не пришла ему в голову раньше, – так ведь забот-то полно, за всем не утонишься... Давно, давно пора уже на неудобных мусоров специальные картотеки заводить. У каждого человека, если как следует в прошлом порыться, – обязательно какая-нибудь слабинка сыщется, болевая точка... А как сыщется, нужно только грамотно нажать на нее. Тогда и самый сильный зашатается...

Через неделю после судьбоносного «банного саммита» Антибиотика и Иваныча у Никиты Кудасова и начались неприятности. Собственно говоря, проблем хватало и раньше, но тут как-то разом все навалилось: сначала Полетаев со Щегловым начали нервы мотать, потом три известных городских адвоката (из так называемой золотой десятки) накатали жалобы в городскую прокуратуру, защищая «человеческие права» своих клиентов, к которым якобы применялись незаконные методы давления: тот же Саша Дятел, в частности, возмущался тем, что, во-первых, он был жестоко избит при задержании, а во-вторых, его невеста подверглась «сексуальным издевательствам» со стороны оперативных работников 15-го отдела «при попустительстве и пассивном участии майора милиции Кудасова Н. Н.». Хуже было то, что двое коммерсантов, освобожденных в квартире на Бухарестской, от своих прежних слов вдруг отказались наотрез, и их не пугала даже статья УК, карающая за дачу ложных показаний, – создавалось впечатление, что бизнесмены боялись чего-то гораздо сильнее, чем малоприменяемой статьи кодекса...

Этими пакостями дело не ограничилось – через пять дней после задержания бригады Дятла в уважаемом городском еженедельнике было напечатано большое проблемное интервью с адвокатом Бельсоном. «Известный юрист» красиво рассуждал о практике «правового нигилизма», складывающейся в правоохранительных органах, и о «вопиющей юридической безграмотности» сотрудников милиции. В качестве наглядных примеров адвокат приводил развалившиеся в суде или на стадии следствия дела «по так называемому бандитизму». Стоит ли говорить о том, что все упоминавшиеся дела имели самое непосредственное отношение к Кудасову?

На зачин еженедельника откликнулись и некоторые другие газеты, корреспонденты которых не упустили случая пнуть лишний раз РУОП, – информация оттуда поступала крайне скудная, и журналисты хотели иной раз показать зубки, чтобы с ними считались побольше... А отдел Кудасова подходил в качестве объекта битья лучше других! Действительно, именно через это подразделение проходили фигуранты нескольких шумно развалившихся «бандитских процессов». Парадокс заключался в том, что виноватить во всем пресса почему-то начала оперативников, а не «самый гуманный в мире» суд и не следствие, хотя все реализации Кудасов проводил только с санкции прокуратуры, да он и не мог бы иначе их провести. Но все равно выходило почему-то так, что дела сыпались из-за того, что плохо работали опера, а не из-за того, что фигурантов, подозреваемых в совершении тяжких преступлений, по каким-то, одним только судьям и следователям понятным причинам, вдруг выпускали на свободу с подписками о невыезде, видимо для того, чтобы этим достойным и уважаемым в очень определенных кругах гражданам легче работать со сви-

детелями было... Ясное дело, свидетели и потерпевшие потом дружно меняли показания. А что им еще оставалось делать, если освобожденные из «Крестов» «достойные члены общества и прекрасные семьянины» (так о них писалось в представленных судам характеристиках) однажды могли заскочить на огонек и дружелюбно поинтересоваться: «Ну, ты как, стучать еще не передумал? Бог ведь накажет за клевету на честных граждан!» А свидетели и потерпевшие были как раз людьми, как правило, тихими, а потому исключительно богобоязненными...

Кудасов переживал вспыхнувшую вдруг вокруг его имени шумиху внешне спокойно, по крайней мере не подавал вида, насколько все происходившее его задевало. А на самом деле он переживал прессинг достаточно тяжело. Известно ведь, что, с одной стороны, доброе слово, оно и кошке приятно, а с другой – скажи человеку тысячу раз, что он свинья, так он и впрямь захрюкает... Хрюкать Никита, конечно, не стал, но поугрюмел еще больше, даже осунулся немного, хотя с подчиненными держался по-прежнему ровно и обиду на них не срывал, по давней традиции российского начальства... А вот его самого после каждой жалобы или публикации немедленно дергали «на ковер» – как будто он мог там сказать что-то новое, что само руководство не знало. Но ведь руководство обязано как-то реагировать на сигналы? Оно и реагировало...

В довершение в Управлении началась осенняя эпидемия гриппа, а учитывая чудовищную скученность оперов в кабинетах (отдел Кудасова, в частности, весь ютился в сорокаметровой комнате, личный состав, тридцать два человека, сидели буквально чуть ли не друг на друге), вирус за три дня свалил в постель едва ли не половину офицеров. А задачи подразделениям ставились в тех же объемах, как и раньше... Никиту грипп также не миновал, но он при имевших место раскладах больничный брать не стал – собрал волю в кулак и перехаивал болезнь на ногах... В тот год гулявший по Питеру вирус гриппа частенько давал осложнения на почки и зрение, и Кудасов очень скоро это смог почувствовать на себе.

Андрей Обнорский, кстати говоря, предложил тогда Никите Никитичу помощь – дать большое интервью в его газете, где можно было бы расставить все по своим местам. Но Кудасов отказался – он не хотел выглядеть оправдывающимся, да и идти к руководству за санкцией на официальный контакт с прессой в сложившейся обстановке не хотелось. Тогда Серегин сам написал обзорно-аналитическую статью в своей газете об актуальных проблемах, с которыми столкнулось общество в попытках борьбы с организованной преступностью. Статья получилась хорошая, острая и легко читающаяся, но она Кудасову не помогла, скорее даже наоборот – Никиту вызвал к себе Ващанов и «вставил пистон» за эти самые «несанкционированные контакты с прессой». Геннадий Петрович был убежден, что статью Обнорский написал с подачи Кудасова. Выволочку первый заместитель начальника РУОПа закончил тогда сакраментальными словами:

– Работать надо лучше, а не в прессе оправдываться!

(Самого же Серегина заклеили негодованием коллеги-журналисты – дескать, заведующий криминальным отделом молодежной газеты взял на себя функции общественного рууповского адвоката...)

В том, что работать надо лучше, Никита Никитич был с Ващановым солидарен. Кудасов вообще принадлежал к той категории людей, которые привыкли искать причины всех своих проблем и неудач в самих себе. Кстати говоря, схожую жизненную позицию в свое время продекларировал Никите вор и бандит Сомов по кличке Беда. Беда, взятый в 1986 году Кудасовым с поличным на разбое, держался достойно, как и положено нормальному уголовному авторитету, Никиту не сволочил и охотно беседовал с ним на общеполитические темы. Однажды он сказал навсегда запомнившиеся Кудасову слова:

– Люди, они тогда хорошо жить будут, когда научатся за все с самих себя спрашивать. Можно ведь как сказать: ой, меня кинули злые, плохие разбойники – воры... А можно ска-

зять: я дал себя кинуть. Но больше не дам... Это всех касается – я ведь тоже мог бы сказать: мусора меня нахватили! А я говорю: я дал себя нахватить! Сечешь разницу, начальник?

Разницу старший лейтенант Кудасов просек тогда моментально и, отправляя Беду в камеру, не погнушался поблагодарить его за науку. Не ожидавший от опера такой реакции Сомов так растрогался, что позднее признался еще в двух глухих квартирных обносах¹⁴, тем более что по принципу «поглощения статей» срок они ему все равно не удлиняли, а Кудасову добавили две срубленные палки.

В дальнейшем Никита «расширил и углубил» заветы Беды: перефразировав известный афоризм, Кудасов любил повторять, что у любой победы родителей всегда много (тут уж ничего не поделаешь), но и поражения не должны становиться сиротами... Пояснял эту сентенцию Никита так: если у тебя что-то «в цвет пошло» – поблагодари всех, кто был с тобой рядом; если в результате лажа нарисовалась – вини себя, делай выводы и не наступай второй раз на грабли... Так что на рекомендацию Ващанова «работать лучше» майор Кудасов спокойно ответил:

– Есть! – после чего убыл в свой отдел, где у окна за небольшим столом находился его персональный «угол».

Никита Никитич за десять лет в розыске не только не охладел душой к оперативной работе (что подчас случается даже с толковыми сыщиками, некоторые начинают превращать службу в какой-то механический конвейер и просто тянул лямку, вырабатывая стаж до пенсии), но наоборот – с каждым годом учился открывать в своем деле все новые и новые, дотоле неведомые. Очень быстро Кудасов понял: если не хочешь топтаться на месте, постоянно занимайся самоусовершенствованием в самом широком смысле этого слова. Ощувив недостаток специальных знаний, Никита заставил себя сесть за книжки, уплотняя и без того сбитый впритык рабочий график. Едва не получив в одном задержании финку в бок, он начал постоянно посещать спортзал, тренируясь вместе с группами захвата. Свободного времени теперь у него не было в принципе...

Ведь оперативная работа – не работа в общепринятом смысле этого слова, это, конечно, образ жизни. Но – опять-таки – не просто жизни, а жизни, сконцентрированной на достижении конкретных целей, жизни, отодвигающей на задний план все личное, частное, приватное... Цели просты и понятны – раскрытие преступлений, а если повезет, и их предотвращение... А еще оперативная работа – это игра, любой игре, как известно, сопутствует чувство азарта, являющееся самым настоящим наркотиком... Настоящий опер даже недолгие часы отдыха воспринимает не просто как приятное времяпрепровождение и беззаботный балдеж, а как некий срок, отпущенный для максимального восстановления сил – чтобы опять-таки лучше выполнялись задачи и быстрее достигались цели...

Оперативная работа – это, безусловно, труд творческий, сродни труду художника, с одним небольшим отличием: художник, как правило, свободен в выборе темы, а также методов и средств создания своего произведения, а опер имеет конкретное задание и строго регламентированные методы работы... Ну и опять же – произведения искусства живут долго (некоторые даже проходят сквозь века), а даже самые красивые раскрытия быстро забываются... Да и кто о них вообще зачастую знает? Только терпилы¹⁵, начальство да кое-кто из коллег. Ах да, еще, конечно, те, кто на зоны уходит, – вот и все. Редко-редко про какое-нибудь громкое дело в прессе напишут и опера упомянут, да и сколько живет газетная статья? День-два, не больше...

Тем из оперативников, которые полностью отдавались своей работе, всегда фартило – и преступления раскрывались как бы сами собой, и жизнь с интересными людьми сталки-

¹⁴ Обнос – подготовленная кража (жарг.).

¹⁵ Терпила – потерпевший (жарг.).

вала. Единственное, в чем им фартило редко, – это в личной жизни, точнее, в жизни семейной. Да и не могло им в ней фартить, если честно. И дело ведь не в том, что женщины оперов не любят, – как раз наоборот, мужик при оружии, он и есть мужик при оружии, и защитить сможет, и множество других проблем решить... Опять же – интересно с таким мужиком, который много чего в жизни повидал. Словом – хороший опер может без особых проблем уложить в койку практически любую бабу, наука-то ведь нехитрая, все дело в психологии, а операм психологами-практиками просто положено быть... И не так уж сложно женщину увлечь – знай только нажимай на нужные кнопки в ее душе, играй как на баяне любую мелодию...

Только ведь койкой настоящая личная жизнь не заканчивается, наоборот, – она должна с нее только начинаться. И что получается? Если женщина интересная (не только внешне, естественно), если она личность, то как же она может принять единственную роль, которую может ей предложить настоящий опер: быть всего лишь элементом в «неосновной» жизни, в том времени, которое отведено для максимального восстановления сил, применяемых потом в жизни «основной», то есть на работе? Не сможет она этого принять, не захочет быть на втором плане... Сама начнет мучиться и мужика своего мучить будет, так что у него вскоре жизнь превратится в войну на два фронта, один из которых на работе, а второй – дома. А в войне на два фронта победить-то практически невозможно...

Ну а если женщина блеклая и неинтересная, так тем более с ней оперюге тоска, потому что настоящий опер – это прежде всего личность. А как личности с «неличностью» ужиться? Как смириться с разностью в потенциалах, с разной скоростью мышления? И выходит так, что превращается такая женщина в кухарку, прачку, воспитательницу детей – словом, в «прислугу за все», в этакую домоправительницу, чтобы хоть комфорт в быту был. Много ли счастья в таком совместном проживании? Не много...

Счастливая семейная жизнь – это ведь как хороший салат «оливье», в котором должно быть множество ингредиентов, причем в нужных пропорциях: и картошка, и мясо, и огурцы, и морковь с зеленым горошком, и майонез, и чего там еще женщины добавляют, чтобы вкусно было, чтобы после первой порции тут же вторую хотелось бы? Вот и в семейной жизни, как в салате, должен быть и взаимный сексуальный интерес, и уважение друг к другу, и надежное деловое партнерство-компаньонство, и дети, и гордость за партнера перед всем остальным миром, и время, чтобы проявить и показать все эти качества, и еще очень много другого-разного. Сделай «оливье» без пары основных составляющих, и что получится? Не «оливье», а винегрет какой-то... Жрать, конечно, можно, но удовольствия никакого.

Вот так и у большинства оперов семейная жизнь превращается в сплошной винегрет. Не стал исключением и Никита Кудасов. На работе-то он очень быстро научился не только мгновенно использовать возникающие благоприятные обстоятельства, но и вскоре сам уже умел создавать нужные обстоятельства. А вот дома... Дома все складывалось по-другому. Сначала, когда он еще только начал «топтать землю» в отделении, все было еще более-менее.

С Татьяной Никита познакомился еще в институте, а на пятом курсе они сыграли свадьбу. Через год в семье молодых инженеров появился сын Димка. Таня с головой окунулась в ребенка и домашнее хозяйство. Никита очень уставал в прокатке, и жена старалась как могла, чтобы муж был накормлен и обстиран. Она жертвовала очень многим, но ведь была и награда – выходные, которые семья всегда проводила вместе, были и походы в кино и театры, вылазки за грибами и походы на лыжах... У них нередко бывали гости, да и Никиту с Таней частенько приглашали. Много чего хорошего было...

А потом у Никиты пропали выходные, и он каждый день стал возвращаться домой поздно. Общались супруги только за ранним завтраком да поздним ужином. Димка иной раз мог отца неделю не видеть, а ведь папа не в командировках пропадал, у папы просто такая

работа была... Они больше не ходили в кино, не ездили в лес, а в гости выбирались дай Бог если два раза в год. Правда, оставалась еще постель, Татьяна была женщиной красивой и страстной, и, кстати, Никита ей очень долго не изменял, хотя возможности были.

В восемьдесят пятом, например, в него круто втрескалась одна потерпевшая – жена директора крупного завода. Эта дама была хороша собой и привыкла всегда получать то, чего ей хотелось. Захотелось ей Никиту, и она штурмовала его по всем правилам искусства обольщения, да только безрезультатно... Тогда ее совсем переклинило – она и с цветами к Кудасову на работу являлась, и на черной «Волге» за ним ездила. Никита на автобус садится, а она следом... И не сказать ведь, что как женщина она никакого впечатления на сыщика не производила – бабец был в самом соку, что называется, холеная и умашенная, словно специально для койки выращенная. Но Кудасов не был бабником – в институте, еще до Татьяны, он погулял вволю, девушкам он нравился... Но после свадьбы Никита старался на чужих женщин не заглядываться.

Окончательно понял Кудасов, что их «оливье» не получился, позже, когда начал постепенно продвигаться по служебной лестнице – сначала стал начальником угрозыска своего отделения, потом его перевели в главк, в «разбойный отдел» УУРа. И дело было не в том, что его захватила карьера, нет... Просто так получилось, что он-то, Никита Кудасов, развивался, узнавал много нового, рос и как человек, и как профессионал, а Татьяна... Татьяна оставалась все на том же уровне. Какой рост мог быть у женщины-инженера на заводе в советское время? Ей бы успеть после работы во всех очередях, в каких надо, достояться, да постирать, да еду приготовить, да с ребенком заняться, квартиру прибрать, прикинуть, как на остатки денег до зарплаты дожить... Какой уж тут духовно-интеллектуальный рост... Это Никита открывал в своей работе все новые и новые интересные страницы, да только жене-то своей он их не пересказывал – и нельзя было, и времени не хватало...

А потом Кудасов вдруг ощутил однажды, что ему с Татьяной просто неинтересно, что она превратилась для него в какого-то родственника, причем родственника «бедного», потому что она-то от него зависела (и прежде всего психологически), а он от нее если и зависел, то гораздо меньше... Самое страшное заключалось в том, что Таня была очень хорошим человеком – и матерью замечательной, и женой верной и заботливой. Что толку... Вместо «оливье» все равно был винегрет...

Кудасов не побоялся задать себе честные вопросы и дать на них честные ответы, а когда дал, так ему так плохо стало и муторно – хоть стреляйся... А Тане-то ведь еще хуже было, она если умом и не понимала, то по-бабьи сердцем хорошо чувствовала, что ушло что-то очень важное из их отношений... И если у Никиты была возможность заглушить тоску любимой работой, то чем спастись оставалось Тане? Она полностью ушла в Димку, в их сына... А Кудасов, работая в главке, начал задерживаться на службе даже тогда, когда в этом и особой необходимости-то не было, лишь бы оттянуть момент, когда придется заглядывать в испуганно-тоскливые глаза жены... О разводе он даже не думал, считал, что Таня с Димкой пропадут без него.

Поставив крест на счастье в личной жизни, Никита с еще большей остервенелостью окунался в работу... А работа в «разбойном отделе» была действительно захватывающей – опера поднимали нападения на очень интересные квартиры, где жили очень солидные люди. Случалось и так, что и разбойнички принадлежали к этому кругу, – и случалось такое частенько... Поскольку постоянно происходили обносы и нападения на коллекционеров антиквариата, пришлось Никите окунуться и в их среду. Тот еще мирок, кстати говоря, в нем встречались и шизанутые полуголодные фанатики, сидевшие в буквальном смысле на сокровищах, но не имевшие денег на нормальную еду и одежду, и холодные, расчетливые дельцы, делавшие свой бизнес на обманах, кражах и различного рода махинациях...

В 1987 году ему передали дело о разбойном нападении на квартиру академика Мальцева. Хоромы на улице Марата неизвестные злодеи «под ноль» не обнесли, взяли только знаменитую коллекцию картин русских передвижников. Занятно, что когда Кудасову поручили это дело, с момента преступления минуло ни много ни мало полтора года, а сам академик, видимо, не перенеся утраты, ушел в лучший мир. Дело это было классическим, сто-процентным глухарем. Но Никита впрягся, досконально изучил материалы, поговорил с кем мог из окружения Мальцева, агентуру свою сориентировал... И подфартило ведь Никите – стукнул один «добровольный помощник» незначительную на первый взгляд информашку, но Кудасову она дала сначала одну зацепочку, потом другую... А потом Никите потребовалась командировка в Москву, где в результате совместной работы с ребятами из МУРа был арестован некий авторитетный урка с погонялом Харитон. От Харитона ниточки к картинам из пропавшей коллекции потянулись по всей стране...

Потянуться-то потянулись, но вот какая особенность проявилась у этой «паутины» – «узелками» ее были люди влиятельные и известные: либо чиновники, занимавшие значительные посты, либо артисты – любимцы всего Союза, либо те дельцы, кого уже тогда называли «теневыми»...

«Теневыми» этих людей называли потому, что деньгами и делами они ворочали огромными, но в официальных бюджетах все это не учитывалось. «Теневые», как правило, редко выставляли напоказ внешние атрибуты своего могущества, хотя реальная их власть была огромной – они владели целыми фабриками и заводами... Была у «теневых» и своя пристяжь, состоявшая в основном из людей проверенных и надежных, сделавших не одну «ходку к хозяину»¹⁶. Дух захватывало от этой картины... И чем больше «узелков» попадало в поле зрения сыщиков, тем тяжелее им становилось разматывать клубочки. Нет, на них не давили напрямую, все происходило проще и пристойнее. Как только приближался кто-то из них к очередной интересной фигуре, его сразу же (или почти сразу же) перебрасывали на другую, как правило, «более важную и ответственную работу»... И еще одна интересная особенность была в деле о пропавшей коллекции – слишком много покойников, правда, умерших либо «естественной смертью», либо «от несчастных случаев»... Успел Никита заметить и тень Антибиотика в этой «паутине». Даже не столько заметить, сколько почувствовать. А больше он не успел ничего: после попытки допроса одной очень известной певицы, тогдашней почти официально признанной «королевы эстрады», отозвали Кудасова из командировки и бросили на другой участок работы... Тем не менее та командировка в Москву очень много дала Никите, причем не только в сугубо профессиональной сфере.

...Шел май 1987 года, Кудасов сидел в Москве уже около недели, но города почти не видел, даже до Красной площади с Мавзолеем не сумел добраться – не до того было... Однажды его московский коллега, муровский сыщик Гриша Безруков, не выдержал и наехал на Никиту:

– Все, старичок, завязывай, так пахать нельзя, надо и расслабиться иногда – мозгам разрядка нужна...

Кудасов пожал плечами и вопросительно взглянул на Гришу: мол, что ты конкретно предлагаешь?

Безруков ухмыльнулся и, подняв указательный палец вверх, важно изрек:

– У нас в академии психолог как говорил: у человека существуют три основных направления для разрядки... Какие именно? Это: а) алкоголь, б) секс, в) спорт или любая физическая нагрузка... Согласен?

– Согласен, – кивнул Никита, и Гриша продолжил:

– Поскольку ты, как я успел заметить, человек малопоющий, что нам остается?..

¹⁶ Ходка к хозяину – попадание в зону (жарг.).

И он ожидающе посмотрел на Кудасова, как учительница, бросившая откровенную подсказку недотепе ученику. Никита поскреб в затылке и кивнул:

– Да я как-то водку не очень... После нее потом с утра башка ни черта не варит. Я бы в волейбольчик с удовольствием где-нибудь постучал...

– Да иди ты в баню со своим волейбольчиком! – заорал, чуть ли не подпрыгнув на месте, Безруков. – Ты что, старичок, деревянный по уши? Ты взгляни вокруг – весна пришла, природа просыпается! А он со своим волейбольчиком! С женщинами надо общаться, чтобы душа мхом не обросла.

Кудасов кашлянул и, разведя руками, сказал:

– Понимаешь, я женат. И...

Гриша сморщился, будто съел что-то кислое, и не дал Никите договорить:

– Слушай, ты не в политотделе. И не в инспекции по кадрам. Ты что думаешь – я тебя пробиваю? Ну что ты, в самом деле? Свой же люди...

– Да нет, – смутился Кудасов, – я не к тому... Просто, понимаешь...

– Понимаю, – закивал Безруков. – Конечно, понимаю. Совесть и все такое... Моральные устои... Чего ж тут непонятного? Только женат-то ты в Питере... А мы с тобой сейчас в Москве – в столице нашей великой Родины... Врубаешься? У нас тут знаешь какие классные девчонки есть? Полный отпад!

– В МУРе?

Гриша вздохнул и посмотрел на Никиту, как на тяжелобольного:

– При чем тут МУР? Нет, при чем тут МУР, а? Ты что, совсем меня за идиота держишь? Есть старое правило: не ери, где живешь! Знаешь, как комитетчики говорят: «Не желай жену брата и сотрудницу из аппарата!» Золотые слова, между прочим... У чекистов других не бывает... Опять же психолог в академии нам говорил: в личное время старайтесь поменьше общаться с коллегами, вы все и так профессионально деформированы... Так что оставим наших «мурочек» гражданскому населению... Есть тема получше. Я тут с двумя актрисками пересекаюсь. Из «Ленкома»! Слышал про такой театр?

– Слышал, конечно, – кивнул Кудасов. – Даже сходить хотел... На «Юнону и Авось». Только туда билетов не достать...

– Вот и чудно! – обрадовался Безруков. – Вот и славно! Заодно приобщимся к культуре! Все в наших руках, сварганим сами себе спектакль не хуже этой твоей «Юноны». Что мы – глупее режиссеров? Я вон даже сажал одного в прошлом году, правда он с «Мосфильма» был, – дурак дураком дядя оказался, сам себе срок наболтал... Ладно, не в этом дело, давай закружись потихоньку, я договорился с девчонками, что встречаемся в семь у «Космоса»... Ладушки?

Никита неуверенно пожал плечами, потом вспомнил вдруг вечный испуг в глазах своей Татьяны и покачал головой:

– Нет, ты знаешь... Давай уж без меня. У меня сегодня как-то настроения нет. И... ээ... мне еще поработать надо.

– Как это без тебя? – расширил глаза Гриша. – Ты че такое гонишь-то? Э?! Совсем «ку-ку», что ли? Как я с ними двумя-то? Куда одну дену? С другого боку положу, что ли? Наши все расползлись уже... Нет, старичок, это просто не по-товарищески будет, не по-офицерски... Ты уж давай собирай волю в кулак. Надо, старичок, понимаешь – надо. Есть такое слово. Это я тебе как коммунист коммунисту говорю.

– Ну, ладно, – вздохнул Кудасов. – Посидеть, конечно, можно...

– Конечно, можно! – возликовал Безруков и возбужденно засучил рукава своего модного пиджака. – И посидеть, и полежать... Все – молчу, молчу! Только посидеть! За театр побазарим, за режиссерские находки. Собирайся!..

Гриша не соврал – девушки и впрямь оказались самыми настоящими актрисами, «служившими» (как они выражались) в Театре имени Ленинского комсомола. Одну – яркую блондинку – звали Вероникой, а вторую – русоволосую сероглазую красавицу – Дашей. Безруков сразу присоседился к Веронике, видимо посчитав, что это вариант надежнее, а Даша как бы «досталась» Кудасову. В переполненный «Космос» они прошли без труда – Гришка помахал швейцару волшебной красной книжечкой, и их сразу усадили за хороший столик, который, видимо, держали для «почетных гостей». Пока Гриша делал заказ, Кудасов поелозил на стуле и, решив завязать светскую беседу, обратился к Даше с ужасно оригинальной фразой:

– Я, по-моему, вас где-то видел...

– В кино, наверное, – улыбнулась Даша и произнесла название многосерийного фильма, совсем недавно вышедшего на телеэкраны. Вероника фыркнула.

– Э-э... да! – сказал Никита, не смотревший этот фильм. – А кого вы там играли?

Теперь девушки фыркнули уже вместе, а Безруков послал Кудасову уничтожающий взгляд и, бодро перехватив инициативу, начал сыпать разными ментовскими шуточками и байками. У Гриши, безусловно, у самого был актерский талант – он рассказывал действительно смешно, при этом не забывал галантно ухаживать за обеими дамами – подливал им шампанское, подносил огонек зажигалки к сигаретам... Никита сидел молча, уткнувшись в свой бокал, и лишь изредка поглядывал на раскрасневшуюся Дашу. Безруков несколько раз с лучезарной улыбкой на лице злобно пинал Кудасова под столом, но активизировать напарника так и не смог. А Кудасов боялся лишний раз посмотреть на Дашу, потому что она ему очень понравилась. И с каждой минутой нравилась все больше и больше... Никита почувствовал себя настолько не в своей тарелке, что часа через полтора после начала посиделок вдруг вскочил, едва не опрокинув стул, и брякнул:

– Вы извините... У меня одно срочное дело есть... По работе. Мне бежать нужно. Желаю хорошего вечера. Было очень приятно...

Произнося все это, на девушек он старался не смотреть. А у Гриши было такое лицо, какое бывает у мента перед тем, как он крикнет: «Стой, стрелять буду!»

Не дожидаясь ответных слов, Кудасов как-то боком выскочил из зала...

На следующий день Безруков встретил Никиту на работе мрачным взглядом и вместо приветствия сказал:

– Тяжелый случай, старичок, тяжелый случай...

– Ты извини, что так получилось, – промямлил Кудасов. Гриша вскочил со стула и воздел руки к небу, будто вызывая к высшей справедливости:

– Извини?! Да я чуть не поседел, когда ты от столика рванул! У меня мороженое в горле комом встало!.. Я думал – все, облом полнейший. Вероника с Дашей уйдет из солидарности...

Безруков помолчал немного и усмехнулся:

– Эх ты, такую девку упустил! Дашка – умница, золотая девчонка! Я чуть в нее не влюбился, когда она через пятнадцать минут после тебя тактично «вспомнила» про свое «важное дело»... Дубина ты, Никита...

Гришка махнул рукой и поправил воротничок рубашки, из-за которого выглядывал краешек свежего засоса.

Больше Безруков Кудасова на вечеринки не приглашал, тем более что его – первого – вскоре перебрали на другую работу...

Второй раз Никита увидел Дашу перед самым отъездом из Москвы – его отзывали из командировки, на следующий день он должен был уже уезжать в Ленинград. Московское начальство поблагодарило Кудасова за отличную работу и подарило ему два свободных дня для ознакомления со столицей и столичными магазинами. Поскольку в магазинах

Никита все равно ничего не понимал, он решил только купить чего-нибудь вкусенького из сладостей, а потом побродить по Москве. Отстояв длинную очередь в «елисеевской» кондитерской, Кудасов купил шоколадного зайца фабрики имени Бабаева сыну и коробку пастилы для Татьяны. Отдуваясь, он выбрался наконец из магазина и почти сразу натолкнулся на Дашу – она была не одна, ее держал за руку мальчик лет семи.

– Привет, – улынулась девушка, будто они виделись совсем недавно, и, наклонившись к мальчику, лукаво сказала: – Знаешь, Мишка, кто этот дядя? Он сыщик!

– Настоящий? – широко распахнул глаза мальчик.

– Настоящий, – ответила Даша вместо онемевшего и стоявшего столбом Никиты.

– А пистолет у вас есть? – тут же поинтересовался Мишка.

– Есть, – прорезался наконец голос у Кудасова.

– Покажите, дяденька сыщик!

Никита беспомощно оглянулся и, запинаясь, сказал:

– Понимаешь, тут нельзя. Тут... э-э-э... людей много...

– Тогда пойдем в сквер, – решительно махнул рукой Мишка. – Там деревья, там никто не увидит... Ну пожалуйста, дяденька сыщик!

Даша смеющимися глазами посмотрела на Кудасова и серьезно попросила:

– Ну покажите же пистолет ребенку, товарищ сыщик! Или у вас опять срочное дело, опять бежать надо?

– Нет, – мотнул головой Никита. – Я, собственно... А где тут сквер?

– Ура! – закричал Мишка, схватил свободной рукой Кудасова за левую руку и потащил обоих взрослых за собой.

– Это ваш сын? – спросил Никита, семена за мальчишкой.

– Нет, – фыркнула Даша. – Племянник... Сестра попросила побыть с ним. Она с мужем на банкет сегодня идет, а у меня все равно спектакля нет – у нас гастроли начинаются... А что, неужели я выгляжу на такого взрослого сына?

– Я оговорился, – улыбнулся Кудасов. – Я хотел сказать – брат, а получилось – сын...

В тот день они долго гуляли по Москве, Даша показывала столицу Никите и рассказывала про свой город очень много интересного – она была настоящей москвичкой, коренной, в отличие от большинства населения Белокаменной.

Кудасову давно не было так хорошо, легко и интересно. Редкий случай – он совершенно расслабился, смеялся и шутил вместе с Дашей и Мишкой, и даже странная концовка дела по розыску коллекции академика Мальцева не занимала его мысли. А еще он забыл о том, что на следующий день надо ехать в Ленинград...

Они перекусили в индийском ресторанчике на Чистых прудах, а потом снова бродили по улицам – до незаметно подкравшихся сумерек. Ох уж эти московские майские сумерки... Человека из Питера они могут заколдовать не хуже, чем москвича белые ночи на Неве... Даша и Никита даже не заметили, как «уходили» Мишку до полного изнеможения. Кудасов взял ребенка на руки, где тот и заснул благополучно, довольно хрюкнув в крепкую оперскую шею... Тут уж волей-неволей пришлось Никите провожать Дашу до дому – не тащить же ей самой довольно тяжеленького уже пацаненка? Само собой оно как-то все складывалось – и сумерки эти московские, и Мишка уснул...

Даша жила в самом центре – в престижном доме за аптекой на проспекте Калинина... Дверь в квартиру она открыла сама, скользнула в прихожую и, не зажигая света, шепнула:

– Родители на даче... Давай налево сразу, в гостиную, я Мишку на диване уложу.

Никита на цыпочках прошел через просторный коридор, свернул в увешанную картинами гостиную и бережно сгрузил ребенка на широкий диван. Мишка что-то пробормотал во сне недовольно, а ручки свои, обхватившие шею Кудасова, разжимать никак не желал –

пришлось Даше вмешаться, и Никита вздрогнул, когда ощутил прикосновение ее пальцев. Он выпрямился и, тяжело дыша, прошептал:

– Ну... Так я пойду?

– погоди, – еле слышно сказала она в ответ. – Чаю хоть попьешь... У нас не принято из дома уходить без угощения. Сейчас я Мишку раздену. Подожди меня на кухне...

Она тоже задыхалась – ну, конечно, они же пешком на третий этаж поднялись... Как тут не задохнуться двум молодым людям?

Кудасов ощупью добрался до кухни, уселся там на табуретку и жадно закурил, нашарив на столе пепельницу. Сигарета сгорела в две затяжки, не уняв сумасшедший стук сердца... В кухню, по-прежнему не зажигая света, скользнула Даша:

– Спит как сурок... Ну, так чего ты хочешь? Чаю? Или...

Возможно, она хотела сказать «или кофе», возможно. Наверное, она просто не успела договорить, потому что Никита встал с табуретки и хрипло сказал что-то совсем невразумительное:

– Даша, я не знаю, понимаешь, как-то очень, и потом...

– Я знаю, – прошелестело в ответ, и он почувствовал, как ее руки легли ему на грудь, а потом рот ему (он еще пытался что-то вякнуть) закрыли мягкие, невероятно вкусные губы.

Кудасова даже зашатало от долгого поцелуя – он чуть не сел обратно на табурет, но Даша, неожиданно крепко взяв его за руку, потащила молча в какую-то комнату с большой кроватью...

– Ну же. – Она дышала все чаще и чаще, словно не стояла в темной квартире, а бежала куда-то. – Как эта твоя сбруя расстегивается?

Дальше был какой-то омут, вынырнув из которого Никита даже не пытался гадать, сколько же, собственно, прошло времени. Хотя и говорят ученые, что время, мол, непрерывно – ан нет, бывает, и останавливается оно. Не для всех, правда, далеко не для всех...

– Ну вот, – сказала голая Даша, целуя лежавшего на спине Никиту (на нем, естественно, элементов одежды также не наблюдалось). – Слава Богу! Я из-за тебя чуть невроз не заработала. В кои веки девушке мужик понравился – и на тебе, по «важному делу» сбегает!

Кудасов ничего ответить ей не сумел, потому что в коридоре послышалось шлепанье маленьких босых ног, и Даша, ойкнув, еле успела накрыть его одеялом с головой, одновременно схватив с пола свой сарафанчик.

– Тетя Даша, – донесся до Никиты приглушенный одеялом Мишкин голос. – Почему ты плакала? Громко так, я даже испугался... А почему ты такая голая?

– Жарко, Мишенька. – Дашин голос подозрительно прерывался. – Я... Я не плакала... Мне просто сон приснился.

– Страшный?

– Нет... Очень хороший сон.

– А почему лев рычал? – не унимался Мишка.

– Какой лев, малыш? Не было никакого льва...

– Был, – упрямо сказал мальчик. – Ты плакала, а лев рычал... Я думал, он тебя съесть хочет, и испугался... Можно я с тобой полежу, тетя Даша? Мне страшно...

– Нет... Не бойся, маленький. Это был просто сон... Пойдем, я тебя побаюкаю...

– А лев не придет?

– Нет... не бойся, он не придет. Львы вообще добрые, их бояться не надо, они детей не едят...

– А взрослых?

Голоса потихоньку становились глуше, и Никита понял, что Даша уводит Мишку в гостиную.

– Взрослых только иногда – когда они сами этого хотят...

Он лежал под одеялом, боясь даже пошевелиться, и ждал, когда она вернется. Никите показалось, что прошла чуть ли не вся ночь, когда раздался наконец в комнате Дашин шепот:

– Эй! Товарищ сыщик! Вы тут льва не видели?

Потом она скользнула к нему под одеяло, и Кудасов снова окунулся в омут...

Хоть и замирало для них время, а ночь-то все равно пролетела очень быстро... Когда стало светать, Никита предпринял было какие-то попытки объясниться, но Даша, крепко обняв его, зашептала в самое ухо:

– Не говори ничего, не надо! Я и так все знаю – и про жену твою, и про ребенка. Я тебя у них не украду, я все понимаю. Никто ни о чем не узнает... Мне просто очень хорошо с тобой было, Никита... Ты меня не забывай... Слышишь? Какие у тебя руки сильные...

Утром Дашина сестра заехала за Мишкой (Кудасова пришлось спрятать в кладовке), а потом был еще целый день, который они провели не отходя от кровати надолго и далеко...

Вечером Даша поехала проводить Никиту на Ленинградский вокзал. На перроне они долго молчали, стоя у вагона и держась за руки. Когда проводница в очередной раз напонила о скором отправлении, Даша сунула в карман Кудасову прямоугольный кусочек картона:

– Это мой телефон... Если будешь в Москве и захочешь меня увидеть – позвони.

Он, спохватившись, попытался было продиктовать ей номер своего служебного телефона, но Даша покачала головой:

– Я тебе звонить не буду... Позвони сам, если захочешь... Только мы послезавтра на гастроли уезжаем. Это надолго...

В ту ночь, когда скорый поезд нес Никиту из Москвы в Ленинград, он, ворочаясь без сна на жесткой полке, впервые физически ощутил, что чувствует человек, у которого ноет сердце.

Кудасов много раз пытался звонить Даше из Ленинграда, но в Москве либо раздавались бесконечные длинные гудки, либо трубку брали незнакомые мужчина и женщина, наверное, это были Дашины родители... Никита им не представлялся и ни о чем не спрашивал, он просто вешал трубку. В Дашином доме, наверное, привыкли к подобным звонкам.

В августе в Ленинград неожиданно появился в короткую командировку Гриша Безруков, Кудасов столкнулся с ним однажды в коридоре второго этажа Большого дома. Увидев Никиту, Безруков радостно замахал руками, потом долго хлопал Кудасова по плечам – короче, проявил бурную и искреннюю радость. Они отошли перекурить, Гришка рассказал последние московские милицейские новости и сплетни из министерства. Потом, словно внезапно вспомнив о чем-то, Безруков вдруг заулыбался и сказал:

– Да, тебе привет из «Ленкома»... Помнишь еще, что в Москве такой театр есть?

У Кудасова засосало под ложечкой, но он попытался сделать «морду чайником», спросив что-то вроде «какой привет» или «от кого привет»... Гришка в ответ разулыбался еще шире, посмотрел на Никиту укоризненно и покачал головой:

– А ты ведь меня тогда купил – в «Космосе». Актер ты, Никита. Лицедей. Я, дурак, было поверил...

Никаких имен произнесено не было, но Кудасов умел просчитывать все очень быстро, поэтому сразу понял: обещавшая, что «никто ни о чем не узнает», Даша все-таки не удержалась и рассказала про ночь с Никитой своей подруге Веронике – конечно, под большим секретом, под страшную клятву, что Вероника больше ни единой душе... Ну а подруга, естественно, трепанула Безрукову. Ох, женщины, женщины... И ведь главное – они совершенно искренне считают, что умеют хранить тайны и секреты, а потому страшно обижаются, если мужики им чего-то не говорят...

Кудасов недоуменно пожал плечами и улыбнулся:

– Я не понимаю, о чем ты?

– Да я сам ничего не понимаю в этой блядской жизни, – хмыкнул Безруков и добавил: – Уважаю. Насчет меня – не переживай. Как говорил Остап Бендер: «Могила, гражданин Воробьянинов».

– Я не переживаю, – буркнул Кудасов, и больше они к «театральным проблемам» не возвращались.

До Даши он сумел дозвониться только в октябре – чтобы на свои слова: «Привет, Даша, это я, Никита... Как дела?» – услышать в ответ: «Дела? Нормально дела, со съемок вернулась, смотри – скоро фильм выйдет, „Белая стая“ называется... Да, я, кстати, замуж выхожу... Алло, ты меня слышишь?»

Кудасов молча повесил трубку и долго потом тупо смотрел на телефонный аппарат...

Все пережить ему помогла опять-таки работа – а ее с каждым месяцем становилось больше и больше. По стране весело и разудало шагала перестройка, жизнь становилась до невозможности интересной... На волне развития так называемого кооперативного движения во всех крупных городах тогда еще единого Союза произошел чудовищный скачок только зарегистрированных вымогательств и разбойных нападений, но Кудасов, например, очень хорошо знал, что еще большее количество этих преступлений оставались «латентными», то есть скрытыми... Бывшие фарцовщики и спекулянты, на глазах превращавшиеся в «коммерсантов и предпринимателей», не спешили обращаться за помощью в ту самую милицию, которая еще совсем недавно отправляла на нары их самих. Станным, очень странным был в те годы «советский бизнес». И мало кто знает, что масштабные финансовые аферы начинались уже тогда – в том числе и в банках, которые, правда, еще назывались сберкассами... Государственная машина реагировала на то, что потом назовут «организованной преступностью», очень робко и стеснительно, но хорошо, что вообще реагировала – в 1989 году в системе МВД была создана наконец специальная структура, ориентированная именно на борьбу с оргпреступностью. В Ленинграде «шестое управление» создавалось на базе одного из отделов уголовного розыска. Никита попал в «шестерку» с первого дня, когда еще словосочетание «организованная преступность» однозначно не рекомендовалось употреблять всеу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.